

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

9
1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

9

1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯ-
ДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам.
главного редактора*), акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХ-
МАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, акад. АН
УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУ-
РАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-
корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР
М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ,
член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР
Ш. Э. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ,
доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филос. наук
Н. Г. ГАЙБОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного
редактора*), доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. филос.
наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны 33-47-12, 39-04-53.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 21/IX-79 г. Подписано к печати 16/X-79 г. P14579. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,9. Ти-
раж 1663. Заказ 209. Цена 40 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

© Издательство «Фан» УзССР, 1979 г.

Ж. ТУЛЕНОВ

ПОНЯТИЕ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Современное познание осуществляется в условиях невиданной ранее научно-технической революции. Под влиянием новых открытий меняются классические представления, разрушаются старые теории и связанный с ними понятийный аппарат науки. На их базе формируются новые понятия, позволяющие наиболее полно и адекватно отразить в теоретических построениях современной науки закономерности окружающей действительности.

Большую роль в приращении и углублении наших знаний о мире играют такие успешно применяемые в различных областях науки методы, как системно-структурный, аксиоматический, математический, метод моделирования, формализации и т. д. Закономерный процесс использования этих частнонаучных методов исследования некоторые авторы связывают с возникновением нового стиля мышления, якобы способного заменить диалектический метод, хотя для такого вывода нет никаких оснований.

Отсюда возникает необходимость осмыслить содержание понятия «стиль мышления» с позиций марксистско-ленинской философии. Это позволит еще полнее и глубже раскрыть значение материалистической диалектики как общенаучного стиля мышления, успешно применяемого в условиях современной научно-технической революции.

В естественнонаучной и философской литературе последних лет термин «стиль мышления» употребляется очень часто. Однако общепринятого научного определения его до сих пор нет. Разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл, что делает его еще более расплывчатым, неопределенным.

Так, И. Б. Новик под стилем мышления понимает совокупность относительно устойчивых, методологических черт, тенденций современного научного познания. «Научно-технический уровень производства,— пишет он,— определяется состоянием научного познания на данном историческом этапе. В свою очередь, общий уровень производства и глубина научных идей в существенной мере зависят от методологической обеспеченности специальных дисциплин, важным элементом которой служит та совокупность особенностей получения знаний, которая характеризует стиль мышления в естествознании»¹.

В. И. Купцов пишет: «Люди давно пользовались понятием «стиль» для того, чтобы объяснить особенности произведений искусства, литературы, архитектуры. В XX веке в обиход входит новое употребление этого понятия. Все чаще приходится сталкиваться с такими неизвестными прежде лингвистическими конструкциями, как «стиль мышления» или

¹ Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975, с. 4.

«стиль научного мышления». Что же они выражают и какие причины вызвали их к жизни? ...

Когда говорят о стиле научного мышления, то это новое понятие относят в первую очередь не к отдельным ученым, а к науке в целом. Оно используется для характеристики целых научных направлений, крупных областей исследования. С помощью этого понятия хотят выразить особенности задач, которые актуальны для определенного времени, и идей, лежащих в основе их решения»².

«Стили мышления,— пишет Ю. Сачков,— выражают собою основные определяющие характеристики научного мышления на исторически значимых отрезках развития познания»³.

Нередко «стиль мышления» употребляется как синоним понятий «способ изучения», «метод подхода». В этой связи принято говорить «о метафизическом стиле мышления и соответственных метафизических теориях мышления»⁴, об эклектическом, софистическом, диалектическом стилях мышления.

Как видим, уточнение понятия «стиль мышления» с позиций материалистической диалектики приобретает важное значение. Решение этой задачи, однако, связано с некоторыми трудностями, ибо «стиль мышления» — весьма емкое понятие. Поэтому сначала можно лишь в общей форме отметить его основные контуры. Только тщательное ознакомление со всеми структурными элементами данного понятия позволит конкретизировать его содержание, наделить его, так сказать, плотью и кровью. Такой способ рассмотрения, вытекающий из сущности метода восхождения от абстрактного к конкретному, вполне оправдан.

Итак, что такое стиль мышления вообще? Прежде всего следует отметить, что стиль мышления — это опосредствованный способ отражения действительности, основанный на показаниях органов чувств и разума. Отражение в мышлении человека предметов и явлений окружающей действительности, закономерностей их развития осуществляется с помощью понятий, представляющих собой логические образы вещей. Понятия отличаются тем, что имеют обобщенный характер, благодаря чему становится возможным с их помощью выявить наиболее общие, существенные стороны предметов и явлений.

К характерным чертам стиля мышления относится и логическое осмысление добытых знаний с помощью соответствующей системы понятий. Такое осмысление достигается путем многократных суждений, в результате которых в сознании человека фиксируются взаимосвязи между различными предметами, явлениями, их сторонами и свойствами.

Отражение и осмысление новых знаний об окружающем мире и закономерностях его развития необходимы человеку для выработки соответствующей линии поведения и практического действия в различных жизненных ситуациях. Это становится возможным благодаря умозаключениям, выводам в результате суждений с помощью определенной системы понятий.

Итак, стиль мышления в самой общей форме можно было бы определить как опосредствованный способ отражения и осмысления действительности и закономерностей ее развития для выработки соответствующей линии поведения и практического действия. Но столь общее определение оставляет открытым вопрос: чем же отличается один стиль мыш-

² «Философские науки», М., 1976, № 1, с. 183.

³ Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания. Алма-Ата, 1977, с. 118.

⁴ Горский Д. П., Нарский И. С. О функции и структуре диалектической логики как науки. — «Философские науки», М., 1976, № 1, с. 38.

ления от другого? Ибо перечисленные выше три компонента составляют необходимый элемент всякого познавательного процесса. С их помощью нельзя показать специфику данного стиля мышления.

Для выяснения особенностей различных видов стиля мышления, очевидно, необходим конкретный анализ каждого из них. Для этого представляется целесообразным провести разграничение между обычным (обыденным), научным (профессиональным) и философским стилями мышления.

Обычным (обыденным) следует считать такой стиль мышления, когда человек с помощью слов, предложений отражает в своем сознании предметный мир, осмысливает его и определяет для себя линию поведения, исходя из имеющихся эмпирических фактов. Как видно, обычный стиль мышления вполне может обходиться указанными выше тремя компонентами, присущими всякому познавательному процессу.

Для характеристики научного (профессионального) стиля мышления этих признаков явно недостаточно, хотя они также представляют его неотъемлемый элемент. Дело в том, что на уровне научного (профессионального) мышления отражение мира и закономерностей его развития, их осмысление и определение линии поведения для целенаправленной ориентации осуществляются с позиции определенных научных принципов, идей, теорий и связанного с ними понятийного аппарата, которые существуют в виде готового знания. В этих условиях функция мышления сводится к соотносению вновь добытых знаний с ранее существовавшими. В процессе такого соотношения, с одной стороны, происходит углубление, расширение, уточнение ранее существующих знаний, а с другой, — накопление, приращение новых знаний.

Зависимость стиля мышления от существующей системы научных принципов, теорий очень хорошо показал на примере биологической науки акад. Н. П. Дубинин. В толковании проблемы человека, отмечает он, отчетливо проявляются два стиля мышления — популяционное и типологическое. «Популяционная концепция строится на признаках генетической индивидуальности каждой особи внутри популяции. Типологическое мышление исходит из того, что средний тип характеризует любую особь в данной совокупности организмов»².

В этой связи следует иметь в виду, что в осмыслении вновь добытых знаний, наряду с существующей системой теорий, принципов, немаловажную роль играет ранее накопленный познавательный опыт в различных областях профессиональной деятельности. Вместе с существующей системой теорий он выступает в качестве важнейшего эталона практической ценности вновь добытых знаний.

Например, техническое мышление отражает и осмысливает объект с помощью соответствующих технических понятий, а также системы машин, механизмов, в которых материализованы результаты теоретических построений ученых, разработанных с учетом ранее накопленного опыта. В свете этих научных положений и технического (профессионального) опыта и происходит оценка пригодности или непригодности оборудования, механизмов для практического их использования.

«Техническое мышление, — пишет акад. АПН СССР С. Я. Батышев, — формируется в процессе конкретной деятельности, оно предполагает наличие обобщенных понятий об изучаемых объектах, умение производить умственный их анализ и синтез, построение суждений, умозаключений, доказательств и др....

² «Вопросы философии», 1975, № 10, с. 76.

Отличаясь от словесного, умственного действия и производственно-го навыка, во вместе с тем соединяя в себе особенности того и другого, техническое мышление имеет обобщающий и абстрактный характер. Оно позволяет охватить зависимость между техническими объектами, их структуру и динамику в определенных схемах, служащих своеобразным кодом реально существующих процессов, видеть их в общении, во взаимосвязи с другими объектами»⁶.

Отражение и осмысление вновь добытых знаний с помощью существующей системы научных принципов, теорий, а также ранее накопленного профессионального опыта — характерная черта всех видов научного стиля мышления.

Каждая отрасль науки имеет свою систему устоявшихся теорий, принципов, в свете которых происходит отражение и осмысление вновь добытых знаний о предметах и явлениях окружающей действительности и закономерностях их развития. На этом и основано отличающееся своим многообразием профессиональное мышление.

Ю. В. Сачков считает, что различие в стилях научного мышления следует искать в особенностях логических структур знаний, ибо «логические структуры систем знаний (научных теорий) образуют основу определенных, исторически значимых стилей мышления»⁷. Мы полностью согласны с этим. Именно в особенностях логического построения той или иной системы концептуального знания, выраженных в форме соответствующих идей, теорий и принципов, следует искать ключ к объяснению различий в стилях научного мышления.

Научная теория, как известно, представляет сложную, внутренне дифференцированную систему знания, состоящую из различных элементов: научных фактов, законов, понятий и т. д., образующую целостную систему концептуального знания. Способы и формы получения вновь добытых знаний на основе соответствующих частнонаучных методов познания, а также степень полноты и глубины отражения в той или иной науке (в ее законах, понятиях, принципах) логики развития предметов и явлений, их взаимопереходов и определяют стиль научного мышления на соответствующем этапе функционирования человеческого общества.

Научное (профессиональное), как и обычное (обыденное), мышление представляет собой опосредованное отражение и осмысление знаний об изучаемых объектах для выработки соответствующих исходных позиций практического действия. Но в отличие от обычного (обыденного) научное (профессиональное) мышление предполагает определенную сумму устоявшихся готовых знаний, в свете которых происходят оценка результатов познавательной деятельности человека и выработка соответствующих исходных позиций для практического действия. К устоявшимся готовым знаниям относятся фундаментальные научные принципы, идеи, теории, определяющие содержание конкретных наук на том или ином историческом этапе.

Научное познание и научное мышление могут быть плодотворными лишь в том случае, если они опираются на соответствующие мировоззренческие и методологические положения, составляющие неотъемлемый элемент философского стиля мышления. Поэтому истинно научный стиль мышления представляет собой сплав частнонаучных и философских методов познания.

⁶ Батышев С. Я. Научная организация учебно-воспитательного процесса. М., 1975, с. 223.

⁷ Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания, с. 112.

Философский стиль мышления, как и научный, опирается на соответствующую сумму исходных фундаментальных положений. Но если частонаучные идеи, теории, лежащие в основании научного мышления, имеют строго определенные границы применимости, то философские положения не знают такого ограничения. Отражая наиболее общие законы развития материального мира, философские принципы, законы и категории обладают всеобщим характером. Поэтому они выступают в качестве всеобщего метода познания и преобразования мира.

Философский стиль мышления выступает в различных формах. В связи с этим может возникнуть вопрос: от чего зависит многообразие форм самого философского мышления? Отвечая на него, следует учитывать, что содержание того или иного философского стиля мышления обусловлено характером мировоззренческих и методологических принципов, определяемых соответствующим решением основного вопроса философии: отношения мышления к бытию, духа к природе. Если мировоззренческие и методологические принципы определяют содержание, то их конкретное проявление представляет форму философского стиля мышления.

Что касается разнообразия стилей мышления в рамках материалистического и идеалистического направлений в философии, то оно объясняется различием состава категориального аппарата, образующего логическую структуру философского знания, обусловленного специфическим пониманием задач философии, ее предмета, соответственно средств и методов их постижения. Например, различиями в толковании задач философии, способов познания и осмысления материальных процессов определяются различные стили мышления, присущие античному материализму, буржуазному метафизическому материализму и диалектическому материализму. Этими причинами в сущности обусловлено и многообразие стилей мышления в рамках идеалистической философии.

Стиль мышления не существует вне человека, который живет и трудится в конкретной общественной среде как представитель определенной социальной группы, с присущим ему классовым самосознанием и соответствующей идеологией. Стиль мышления, как и всякое другое общественное явление, социально детерминирован. Он находится в непосредственной зависимости от характера способа производства, классовой структуры общества, господствующей идеологии и других социальных факторов.

«Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи,— писал Ф. Энгельс,— это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»⁸.

Разным общественно-экономическим формациям соответствуют различные формы мышления. Так, примитивный способ производства первобытнообщинного строя, основанный на общественной собственности, порождал неразвитые коллективные представления, сквозь призму которых осуществлялись отражение и осмысление первобытным человеком явлений окружающего мира.

Особенности стиля мышления первобытного человека хорошо показал французский ученый конца XIX — начала XX в. Л. Леви-Брюль в книге «Первобытное мышление». «Мышление первобытных людей,—

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366—367.

писал он, — является в основе своей мистическим: причиной этого являются коллективные представления, мистические по своему существу, составляющие неотъемлемый элемент всякого восприятия первобытного человека. Наше мышление перестало быть мистическим, по крайней мере, в том, что касается большинства окружающих нас предметов. Нет ничего, что воспринималось бы одинаково ими и нами⁹.

В представлении человека той эпохи восприятие и чувство, объективное и субъективное, явное и тайное неразрывно слиты между собой. Поэтому сновидение для первобытного человека не менее реально, чем восприятие во время бодрствующего состояния, хотя он и отличает сон от яви.

Мышление первобытных людей, будучи мистическим, необходимо является и пралогическим¹⁰. Пралогическое и мистическое мышление первобытного человека, как отмечал Л. Леви-Брюль, совершенно иначе, чем наше, представляет собой пространство, время, причинность, случайность и т. д. Первобытные люди, например, не проводят различия между предшествующим состоянием и причинностью. Для них *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, значит по причине этого). Первобытное мышление с полным безразличием относится к причинной связи и всякому порождающему ее событию, в том числе случайности, приписывая им мистическое происхождение. Для первобытного мышления вообще нет и не может быть ничего случайного. «Так как таинственные силы всегда ощущаются как присутствующие везде и всюду, то чем более случайным кажется для нас событие, тем более замечательно оно в глазах первобытного человека. Тут не требуется объяснения события, оно объясняется само собою, оно является откровением. Больше того, весьма часто именно такое событие служит первобытному человеку для объяснения чего-нибудь другого в той форме, по крайней мере, в какой вообще первобытное мышление ищет объяснения»¹¹.

Первобытные люди совершенно по-другому воспринимают пространство и время. «В представлении большинства первобытных людей, — отмечал Л. Леви-Брюль, — небосвод покоится в качестве колокола на плоской поверхности земли или океана. Мир, таким образом, кончается кругом горизонта. Пространство здесь скорее чувствуется, чем осознается: направления его обременены качествами и свойствами. Каждая часть пространства, как мы видим, сопричастна всему, что в ней обычно находится. Представление о времени, которое носит, главным образом, качественный характер, остается смутным: почти все первобытные языки настолько же бедны средствами для выражения временных отношений, насколько они богаты в выражении пространственных отношений, часто будущее событие, если его считают достоверным и если оно вызывает сильную эмоцию, ощущается, как настоящее»¹².

Как видно, первобытное мышление совершенно иначе ориентировано и качественно отличается от нашего.

Возникновение антагонистических общественно-экономических формаций, основанных на частной собственности с четко выраженной классовой дифференциацией, сопровождается дальнейшими качественными изменениями и в стиле мышления. Ознакомление с историей развития материальной и духовной культуры классовых формаций показывает,

⁹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Пер. с франц. Под ред. проф. В. К. Николаевского и А. В. Кисина. М., 1930, с. 26.

¹⁰ Пралогическим Л. Леви-Брюль считает такое мышление, которое безразлично относится к противоречиям.

¹¹ Леви-Брюль Л. Указ. соч., с. 251.

¹² Там же, с. 300—301.

что хотя в их стиле мышления продолжают сохраняться элементы мистического и пралогического (по терминологии Л. Леви-Брюля) мышления, оно характеризуется рядом особенностей по сравнению с первобытным мышлением.

Прежде всего, возникновение частной собственности и разделение общества на большие группы людей, преследующих различные интересы, приводят к тому, что отражение и осмысление предметов и явлений окружающей действительности осуществляются уже не через коллективные представления, как это было в первобытном обществе, а сквозь классовые представления, выступающие в форме соответствующей идеологии. А поскольку каждый класс в соответствии со своим экономическим положением преследует свои особые интересы, то и стиль его мышления имеет различную идеологическую направленность. Как говорил Л. Фейербах, «в дворцах мыслят иначе, чем в хижинах».

Необходимость познания сущности мира и лежащих в его основе глубинных закономерностей приводит к возникновению различных философских систем с материалистической или идеалистической ориентацией. Выражая интересы соответствующих классов, они выступают в качестве руководящих мировоззренческих и методологических принципов, на основе которых осуществляется теоретическое и практическое освоение человеком окружающего мира и закономерностей его развития.

Одновременно в стиле мышления классовых формаций заметное место занимает научное осмысление вновь добытых знаний. Оно получает интенсивное развитие в эпоху буржуазного общества и особенно в условиях современной научно-технической революции, которая приобрела поистине глобальный характер.

В развитии философского и научного стилей мышления важную роль сыграл переход от пралогического мышления, безразлично относящегося к противоречиям, к логическому осмыслению действительности, осуществляемому на основе законов и правил формальной логики: соблюдения определенности, непротиворечивости, последовательности и обоснованности суждений в процессе мыслительной операции.

С переходом от антагонистических формаций к социализму стиль мышления претерпевает новые качественные изменения. Социалистический способ производства, основанный на общественной собственности, отсутствие враждебных классов, нерушимая дружба между рабочим классом, крестьянством и трудовой интеллигенцией, завоеванная и закрепленная в процессе строительства нового общества, единство целей и задач всего советского народа приводят к утверждению марксистско-ленинской идеологии, которая выступает в качестве теоретической основы познавательной и практической деятельности КПСС и всего советского народа. «Дело коммунистического воспитания, как и всю свою революционно-преобразующую деятельность, — сказано в Отчетном докладе ЦК XXV съезду партии, — КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики. Он дает нам понимание исторической перспективы, помогает определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед, правильно ориентироваться в международных событиях»¹³.

Важное место в системе марксизма-ленинизма занимает диалектический и исторический материализм. Изучая наиболее общие законы

¹³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72.

развития природы, общества и человеческого мышления, опираясь на достижения естественных и общественных наук, с учетом потребностей социальной практики, философия марксизма, ее основные принципы, законы и категории в своей совокупности позволяют познать предметы и явления окружающего мира в их всесторонних связях, противоречивом движении и развитии, переходах из одного состояния в другое, выступая как подлинно научный стиль мышления.

Говоря о социальных факторах, необходимо иметь в виду, что на стиль мышления оказывают соответствующее влияние также особенности психического склада, национального характера, традиций, обычаев отдельных народов, сложившихся на протяжении их многовековой истории на основе конкретных условий их жизнедеятельности, специфика индивидуального творчества познающего субъекта и т. д.

Таким образом, ознакомление с содержанием стиля мышления с учетом его социальной детерминированности позволяет сделать следующий вывод. Стиль мышления — это опосредствованный способ отражения и осмысления в сознании человека предметов и явлений окружающей действительности и закономерностей их развития в целях выработки соответствующей линии поведения и практического действия на основе имеющихся эмпирических знаний, существующих научных идей, теорий, мировоззренческих и методологических принципов, осуществляемых в соответствии с характером способа производства и всей совокупности общественных отношений в интересах определенных классов и социальных групп.

В этом определении зафиксированы наиболее существенные черты, свойственные всем формам стиля мышления вообще. Исходя из него, нам думается, нетрудно детализировать конкретные виды стиля мышления, обладающие некоторыми специфическими чертами. Но не только в этом заключается научно-практическое значение предложенного нами определения стиля мышления. Оно позволяет сделать ряд выводов, имеющих важное методологическое значение для научного познания и практики.

Стиль мышления как опосредствованный способ отражения объективной действительности нельзя отождествлять с формами логического мышления. Если понятие, суждение, умозаключение представляют собой формы мыслительной деятельности человека, то стиль мышления характеризует ее содержание. Стиль мышления, стало быть, — более широкое понятие, чем абстрактное мышление.

Многообразие видов стиля мышления обуславливается двумя основными факторами. Во-первых, — различием в степени, уровне полноты и глубины отражения в сознании человека предметов и явлений окружающей действительности и закономерностей их развития. А это, в свою очередь, зависит от системы понятий, принципов, законов, образующих в своей совокупности логическую структуру постигающего мышления. Во-вторых, — социальными факторами: характером способа производства, социальной структурой общества, идеологических и других общественных отношений.

На уровне обыденного мышления, характерного для неразвитых форм общественных отношений, осмысление предметной действительности осуществляется на основе эмпирических знаний, способных удовлетворять лишь элементарные, повседневные потребности человека. На уровне научного мышления, получающего развитие на более высоких стадиях общественного производства, отражение и осмысление объективного мира достигается на основе соответствующих научных идей, теорий, принципов, составляющих развитую систему концептуального

знания, которая обеспечивает более глубокое и полное познание закономерностей окружающей действительности.

Прогресс научного познания, углубление и расширение границ его познавательных возможностей находятся в прямой зависимости от его связи с диалектико-материалистическим мышлением, являющимся высшей формой философского стиля мышления. Диалектическое мышление, аккумулируя в себе все богатство научного мышления, в системе основных принципов, законов и категорий, образующих логическую структуру философского знания, позволяет адекватно схватить, отобразить диалектику вещей. Такой подлинно научный, гибкий и подвижный стиль мышления никогда не может устареть. «...Именно диалектика,— писал Ф. Энгельс, — является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»¹⁴.

Неслучайно поэтому формирование у трудящихся масс навыков самостоятельного творческого мышления на основе философии марксизма-ленинизма КПСС рассматривает как одну из важнейших задач идеологической работы.

Обучение искусству диалектического мышления, значение которого особенно возрастает в условиях современной научно-технической революции, предполагает, с одной стороны, глубокое овладение представителями всех специальностей основами философского знания, а с другой, — умение самостоятельно и творчески применять эти знания на практике. Активно содействовать этому — важнейшая задача советских философов, вытекающая из исторических решений XXV съезда КПСС.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 367.

Б. НОРМУРАДОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, раскрывая характерные черты современной им общественной жизни, подчеркнули, что одной из закономерных тенденций ее является глобальный исторический процесс интернационализации материального и духовного бытия народов.

В первом же программном документе научного социализма — «Манифесте Коммунистической партии» — они глубоко раскрыли эту важную тенденцию общественного развития, все шире проявляющуюся уже в условиях капитализма. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что ускоренное развитие капиталистических общественных отношений, крупного промышленного производства, торговли, сложение мирового рынка, международное разделение труда обусловили ломку национальных перегородок, способствовали невиданному ранее росту экономических и культурных связей между странами и народами, обмена между ними материальными и духовными ценностями. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству... Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...»¹

На этой ступени развития производительных сил и производственных отношений усиливается тенденция к развитию взаимосвязей и экономическому сближению наций, государств, стиранию местных особенностей в производстве, общественных отношениях, характере отдельных народов².

С развитием производительных сил, процесса производства финансовая, торговая и промышленная деятельность буржуазии приобретает космополитический характер³. «Универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей»⁴, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Основоположники научного коммунизма рассматривали действие тенденции интернационализации исторически. Они подчеркивали, что, освобождаясь от узких национальных и местных рамок, люди вступают в «практическую связь с производством (также и духовным) всего мира, и для них становится возможным приобрести способность поль-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 457.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 564.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 33.

зоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)⁵.

Процесс интернационализации проявляется и в том, что во всех капиталистических странах складывается в целом однородная социально-классовая структура. С установлением господства буржуазии ликвидируется былая феодальная раздробленность, город подчиняет себе деревню, разрушаются все патриархальные отношения. С стягиванием всех народов в отношения и взаимосвязи мирового рынка производство и труд постепенно обретают интернациональный, всеобщий характер.

В. И. Ленин, анализируя тенденции интернационализации в новых исторических условиях, в эпоху империализма, выявил новые ее черты, характеристики. Капитализм разрушает «старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и узость духовной и политической жизни)... связывает все страны мира в единое хозяйственное целое»⁶. Идет процесс превращения «тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем всемирно-капиталистическое хозяйство»⁷.

В. И. Ленин подчеркивал наличие органической взаимосвязи между обобществлением и интернационализацией, особенно при империализме. Он отмечал: «Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»⁸. В. И. Ленин писал, что «обобществление труда капитализмом проявляется в следующих процессах. Во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок... Во-вторых, капитализм создает на месте прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его, как в земледелии, так и в промышленности»⁹.

Таким образом, объективную закономерность интернационализации не только хозяйственных отношений, но и всего уклада жизни общества классики марксизма-ленинизма видели в развитии крупного машинного производства. С переходом капитализма в монополистическую стадию интернационализация капитала становится одной из характерных черт мирового хозяйства¹⁰. По мере его концентрации и специализации все более усиливается межнациональная миграция капитала и рабочей силы. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин усматривали историческую роль капитализма в том, что он концентрирует, укрупняет в прошлом раздробленные, мелкие средства производства, разрушает национальную замкнутость. В. И. Ленин отмечал процессы интернационализации не только капитала, но и всей хозяйственной, политической, духовной жизни и соответствующих отношений¹¹.

Истоки интернационализации классики марксизма-ленинизма находили в общественно-исторической практике человечества. Но если в докапиталистических формациях наблюдались простые, случайные

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 36.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 329.

⁸ Там же, с. 320—321.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 599.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 352; т. 27, с. 95; т. 31, с. 449.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

связи между странами и народами, то при капитализме они обретают устойчивость и многообразие, перерастают во всесторонние, взаимозависимые и взаимообусловленные явления. Человечество вступает в новую фазу — фазу «всемирно-исторического» существования людей, их универсального бытия и общения¹².

Классики марксизма-ленинизма показали, что интернационализация в условиях каждого общественного строя имеет свое содержание и форму, а их несоответствие или соответствие зависят от характера господствующих производственных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря об интернационализации как прогрессивной тенденции общественного развития, вместе с тем раскрыли несоответствие содержания этого объективного процесса в условиях капитализма его форме и характеру проявления, которые обусловлены антагонистическими в своей сущности капиталистическими производственными отношениями. Это антагонистическое противоречие между содержанием (производительными силами) и формой (производственными отношениями) служит оковами, тормозом развития интернационализации.

Усиливая объективные процессы интернационализации, создавая мировую экономику с общечеловеческими производительными силами, капитализм создает материальные предпосылки для нового общественного строя — социализма. Перед человечеством встает задача создания сознательно регулируемого мирового хозяйства, в рамках которого могли бы успешно сотрудничать и развиваться все народы. Решение этой всемирно-исторической задачи возможно лишь на путях строительства коммунистического общества, где на базе обобществления производства тенденция к интернационализации развертывается во всей полноте социального, культурного и духовного прогресса.

Классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание анализу перспектив интернационализации в условиях социализма. В. И. Ленин еще в 1914 г. писал, что в противоположность капитализму, отчуждающему нации друг от друга, социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные устремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»¹³.

В. И. Ленин подчеркивал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹⁴.

В «Критических заметках по национальному вопросу» В. И. Ленин указывал, что «развитие и учащение всяческих отношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» обуславливают «стирание национальных различий, падение национальных перегородок... все, делающее связи между национальностями теснее, все, ведущее к слиянию наций»¹⁵.

Развитие производительных сил служит основой происходящей в мире интернационализации как объединительного процесса. Интернационализация производительных сил, возникшая на определенной ступени развития крупного машинного производства, состоит в том, что производительные силы обретают такой характер, когда их создание,

¹² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 33—35.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124, 133.

совершенствование и успешное функционирование становятся возможными при условии использования не только национально-государственных, но и международных условий и факторов (сырья, материалов, трудовых и финансовых ресурсов и т. д.)¹⁶.

Интернационализация жизни народов и стран тесно связана с возникновением и развитием нации как исторической формы общности людей и формы общественного прогресса человечества. Со времени возникновения наций общественное развитие характеризуется диалектической взаимосвязью национальных и интернациональных процессов и факторов.

Процесс интернационализации характеризует взаимоотношение национального и интернационального, их взаимопроникновение.

Понятие «интернационализация» в наиболее обобщенном виде отражает объективные, существенные, устойчивые общие и повторяющиеся связи, отношения и тенденции в национальном и межнациональном развитии. Не претендуя на исчерпывающее определение и полное раскрытие всех структурных элементов процесса интернационализации, можно выделить следующие наиболее существенные его черты:

- 1) развитие национально-ценного (производства, культуры и др.);
- 2) выход всего наиболее ценного за национальные рамки, включение его во всемирный процесс обмена;
- 3) ломка национальных перегородок;
- 4) вхождение в национальную жизнь достижений других народов;
- 5) превращение их в неразрывный элемент структуры жизни;
- 6) формирование и утверждение общих черт людей;
- 7) все большее сглаживание национальных различий и разрушение устаревших, архаичных элементов в национальной жизни.

Это, в свою очередь, предполагает:

- а) развитие всесторонних связей и взаимосвязей между нациями и народностями, их взаимовлияние, взаимообогащение и взаимодействие;
- б) осознание роли нового и прогрессивно-традиционного в национальном развитии;
- в) преодоление замкнутости и обособленности наций, национальной кичливости и чванства, заскорузлости и архаизма.

Таким образом, интернационализация общественной жизни — это в сущности интеграционный процесс, который, с одной стороны, характеризуется выделением всего прогрессивного из каждой национальной культуры и превращением его в межнациональное, а с другой, — элиминацией из национальной жизни каждого народа всего отжившего, мешающего его поступательному развитию.

Тенденция к интернационализации есть объективный, необратимый и прогрессивный исторический процесс, начинающийся со времени машинного капиталистического производства, постепенно охватывающий все стороны жизнедеятельности различных наций, устанавливающий между ними универсальную взаимосвязь и взаимозависимость, прежде всего экономическую. Во всей своей полноте процесс интернационализации проявляется в условиях социализма, превращаясь в основополагающую закономерность развития наций и национальных отношений.

Практика строительства социализма, развития наций и национальных отношений в СССР показывает, что чем выше уровень экономики

¹⁶ См. «Интернационализм и проблемы социалистической экономической интеграции». М., 1974, с. 191.

и культуры каждой союзной и автономной республики, автономных областей и округов, тем глубже и разностороннее становятся их взаимосвязи и взаимовлияние друг на друга.

В своей книге «Целина» Л. И. Брежнев пишет: «Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации»¹⁷.

Яркий пример тому дает и Советский Узбекистан, наглядно демонстрирующий, каких грандиозных достижений может добиться в прошлом отсталый край в условиях социализма, братского содружества и взаимопомощи народов, спаянных великой силой интернационализма.

Достаточно сказать, что объем промышленного производства в республике вырос по отношению к 1924 г. в 176 раз¹⁸. Сейчас 1500 предприятий республики за 19 дней выпускают столько промышленной продукции, сколько ее производилось за весь 1937 год. Огромные успехи достигнуты в области хлопководства и других отраслях сельского хозяйства. Грандиозны и достижения республики во всех сферах культуры.

Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» отмечал, что ныне в Узбекской ССР работает больше специалистов с высшим и средним специальным образованием, чем в народном хозяйстве всего Союза в конце 20-х годов¹⁹.

Если в 1941 г. в республике в среднем на 10 тыс. жителей приходилось 54,6 специалиста с высшим и средним специальным образованием, то в 1976 г. — уже 830²⁰. Сейчас в 43 вузах и почти 200 средних специальных учебных заведениях республики занимается около 470 тыс. юношей и девушек.

Свои знания молодежи передают около 32 тыс. научно-педагогических работников (в 1940 г. их было 3024), среди них 100 академиков и членов-корреспондентов, 830 докторов и 11 340 кандидатов наук²¹.

По развитию сети высших учебных заведений и масштабам подготовки дипломированных специалистов республика превзошла экономически высокоразвитые капиталистические страны. Так, в 1976—1977 гг. в Узбекской ССР на 10 тыс. жителей приходилось 176 студентов, тогда как в 1973—1974 гг. в Англии — 88, в ФРГ — 88, в Италии — 128, Японии — 142²².

Из года в год растет благосостояние трудящихся. Национальный доход на душу населения УзССР вырос в 1976 г. по сравнению с 1965 г. на 46%, заработная плата рабочих и служащих — на 57%, оплата труда колхозников — на 48%, выплаты и льготы, полученным населением из общественных фондов потребления, — на 194%²³.

Строительство социализма в СССР убедительно показало, что подлинный расцвет, духовное и социальное возрождение народов достигаются не на путях национальной замкнутости и обособленности, а в результате общих, взаимных усилий по созданию новой жизни.

Важнейшая форма сотрудничества между союзными республиками — широкий обмен материальными ценностями, различными видами сырья и оборудования, продукцией промышленности и сельского хозяйства.

¹⁷ Брежнев Л. И. Целина. М., 1979, с. 56.

¹⁸ См.: Рашидов Ш. Р. Советский Узбекистан. М., 1978, с. 43.

¹⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Статьи и речи. Т. 4. М., 1973, с. 52—53.

²⁰ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 12.

²¹ Там же, с. 33.

²² Там же, с. 287.

²³ См. там же, с. 30.

Так, на долю Узбекской ССР приходится 100% общесоюзного производства хлопкоуборочных машин, 94% — сельскохозяйственных машин, необходимых для возделывания хлопчатника, 20% — прядильных машин, более двух третей выращиваемого в СССР хлопка-сырца и т. д.

В свою очередь, Узбекистан получает из других республик и краев нашей страны все необходимое для развития народного хозяйства, удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. Из РСФСР, с Украины, из Казахстана, с Урала в Узбекистан поступают станки и металл для промышленности, из Белоруссии — тракторы, из Прибалтийских республик — радиотехническое оборудование и т. д. Удельный вес РСФСР во ввозе Узбекской ССР составляет 55%, в вывозе — 45%.

В сближении наций и народностей важная роль принадлежит межнациональному культурному обмену. Так, из 620 спектаклей, шедших на сценах театров Узбекистана в 1971—1975 гг., 102 были созданы по произведениям авторов из братских республик²⁴.

В последние годы широкое распространение получили взаимные декады литературы и искусства союзных и автономных республик. Так, в мае 1979 г. с успехом прошла декада литературы и искусства Узбекистана в Азербайджане.

Лучшие достижения культуры каждой социалистической нации становятся достоянием всех народов СССР.

В сближении советских наций следует особо отметить роль русского языка как языка межнационального общения и важнейшего фактора интернационализации духовной жизни советского общества. Об этом убедительно говорилось в докладе кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПУз Ш. Р. Рашидова и в других материалах состоявшейся недавно в Ташкенте Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР».

Развитие, расцвет и сближение социалистических наций означают единый процесс интернационализации, охватывающий самые различные стороны жизни и быта народов СССР. Этот процесс органически един, внутренне взаимосвязан и взаимообусловлен.

В условиях социализма развитие и сближение наций и интернационализация не только адекватно соответствуют друг другу, но и соотносятся друг с другом. Развитие и сближение находят свое выражение в интернационализации, а интернационализация — в развитии и сближении наций.

Социалистическая интернационализация выступает в высшей степени прогрессивным фактором развития национальной жизни каждого народа. Она позволяет ему наиболее полно использовать все ценное, созданное другими братскими нациями и народностями СССР. Интернационализация в условиях социализма становится могучим фактором социально-экономического, культурно-идеологического прогресса наций. Она означает гармонический сплав всего ценного национального, возвышение его до общечеловеческого.

Ведущим социальным носителем интернационализационных процессов во всех сферах жизни, от производства до общественного сознания, выступает рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия Советского Союза.

²⁴ См. «Национальные языки и национальная культура». М., 1978, с. 41.

Политическая организация социалистического общества позволяет планомерно направлять процесс интернационализации, сознательно использовать его в интересах всех наций и народностей. С одной стороны, социалистическая интернационализация объективно является следствием закономерного развития социалистического общества, а с другой, — прямым результатом целенаправленной деятельности КПСС и Советского государства.

Интернационализация при социализме — социально познаваемый и управляемый процесс. Научную основу его развития составляют марксистско-ленинская теория наций и национальных отношений, национальная политика КПСС и Советского государства.

Научное управление процессами развития и интернационализации национальных отношений принадлежит КПСС. Наша партия придает огромное значение дальнейшей интернационализации всей жизни качественно новой исторической общности людей — многонационального советского народа. Особое внимание уделяется воспитанию советских людей в духе социалистического интернационализма, выступающего вместе с советским патриотизмом одной из могучих движущих сил развития нашего общества по пути к коммунизму.

Интернациональное воспитание советских людей как важный фактор дальнейшей интернационализации жизни развитого социалистического общества — одна из важнейших задач наших ученых, прежде всего обществоведов, всех работников идеологического фронта. На это с новой силой указано в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», где говорится о необходимости «воспитывать у всех советских людей чувство гордости за социалистическое Отечество, нерушимой братской дружбы народов СССР, уважение к национальному достоинству и национальной культуре, непримиримость к любым проявлениям национализма. Способствовать дальнейшему укреплению единства и сплоченности великого советского народа»²⁵. Это еще раз подчеркивает значимость субъективного фактора в успешном развитии объективных процессов интернационализации материальной и духовной жизни советского общества в условиях зрелого социализма.

Б. Нормуродов

ИЖТИМОИЯ ҲАЁТНИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЛАШТИРИШ ПРОБЛЕМАСИГА ДОИР

Мақолада Ўзбекистон ССР материалларидан фойдаланилган ҳолда ривожланган социализм шароитида тобора тараққий топаётган ижтимоий ҳаётнинг интернационаллашуви жараёнининг моҳияти характерлаб берилди.

²⁵ «Правда», 1979 г., 6 мая.

Х. ГАЗИЕВ

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Главным, решающим фактором эффективности народного хозяйства является, как известно, повышение производительности труда. Закон повышающейся производительности труда К. Маркс назвал всеобщим экономическим законом¹. Но только в условиях социализма этот закон проявляется через специфический закон неуклонного роста производительности труда.

Неуклонный рост производительности труда, указывал В. И. Ленин, — это, в конечном счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя².

Рост производительности труда в народном хозяйстве, его отраслях, на предприятиях зависит от многих факторов. В их роли выступают причины, движущие силы повышения производительности труда, т. е. явления и процессы, приводящие к сокращению затрат труда на единицу продукции. Природные и общественные предпосылки по существу своего влияния на производительность труда составляют условия ее повышения. Они могут либо усилить, либо ослабить воздействие факторов. В результате равноценные факторы могут оказывать различное влияние на производительность труда.

Реальные возможности действия этих факторов составляют резервы роста производительности труда, степень использования которых главным образом характеризуется уровнем производительности труда, достигнутый на данном предприятии или отрасли. Направление развития факторов и условий определяет пути роста производительности труда.

Ведущим фактором роста производительности труда в наше время служат развитие науки и практическое использование ее достижений. Наука все больше становится непосредственной производительной силой, а производство — технологическим применением достижений современной науки. Производительность труда зависит, кроме того, от культурно-технического уровня работников, степени использования рабочего времени и прочих факторов. Сознательное использование их, а также активное воздействие человека на производство с целью ускорения технологических процессов и улучшения условий труда позволяют повысить темпы роста производительности труда. В этом отношении большое значение имеет соблюдение требований объективных экономических законов развития общества, в частности закона повышающейся производительности труда.

Действие факторов проявляется в их взаимосвязи, в различных

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 75—76.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 167, и др.

направлениях, с разной степенью влияния. Поэтому исследование комплекса факторов, обуславливающих рост производительности труда, невозможно без их систематизации. Четкая классификация факторов призвана выявить потенциальное соотношение между ними, способствовать определению резервов повышения производительности труда во всех звеньях народного хозяйства.

Количественные связи экономических показателей обуславливаются качественной природой экономических явлений. Поэтому социально-экономический анализ служит основой их количественной оценки. В силу этого классификация факторов в известной мере предопределяет и методы исследования резервов роста производительности труда, возможности прогнозирования его на длительный период.

Методологической основой классификации факторов роста производительности труда служат положения марксистско-ленинской теории. Так, К. Маркс писал: «Если оставить в стороне различия природных особенностей и приобретенных производственных навыков различных людей, то производительная сила труда должна зависеть главным образом:

1) от *естественных* условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.;

2) от прогрессирующего совершенствования *общественных сил труда*, которое обуславливается производством в крупном масштабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда, машинами, усовершенствованием методов производства, использованием химических и других естественных факторов, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и благодаря которым развивается общественный, или кооперативный, характер труда»³.

Вопрос о факторах роста производительности труда весьма сложен и пока еще недостаточно разработан. Имеются в виду не только конкретные методы учета влияния различных факторов на уровень производительности труда, но и их классификация, играющая большую теоретическую роль при разработке методов исчисления и планирования труда, а также в наиболее полном использовании внутрипроизводственных резервов. Однако в этой области еще много нерешенного и спорного.

В соответствии с «Методическими указаниями к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР», при обосновании темпов роста производительности труда принимаются во внимание технические, организационные, природные факторы, а также изменения структуры и объема производства⁴.

В данной классификации социально-экономические факторы не выделяются в особую группу, хотя косвенно предполагается, что их влияние учитывается через приведенные выше факторы.

Между тем с введением в планы производственных объединений и предприятий планов социального развития коллективов осуществление мероприятий по учету социально-экономических факторов обретает планомерный характер. Поэтому становится необходимым и возможным выделение их при планировании производительности труда. Это обусловило необходимость разработки методов оценки влияния социально-экономических факторов, которые должны стать составной

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 128.

⁴ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1974.

частью методических рекомендаций по обоснованию планов роста производительности труда.

В экономической литературе приводится немало классификаций факторов роста производительности труда. Не ставя здесь своей задачей анализ полноты и степени обоснованности той или иной классификации, отметим лишь, что все они базируются на теоретических и методологических положениях марксистско-ленинской экономической теории. Тем не менее они имеют определенные различия и недостатки. Так, в разных классификациях охватывается различное число факторов, отсутствует специальная группа — социально-экономические факторы роста производительности труда.

Даже экономисты, признающие возрастающее значение социально-экономических факторов роста производительности труда⁵, нередко ограничиваются указанием на отдельные из них и описанием тех или иных форм их проявления. Конечно, нельзя не заметить влияния, например, трудовой дисциплины, отношения работников к труду, развития социалистического соревнования и некоторых других факторов на производительность труда. Но весь вопрос в том, что мы видим за этими явлениями: закономерные связи между работником и его трудом, детерминированные производственными отношениями и представляющие одну из форм проявления этих отношений, или не обусловленные объективно акты поведения отдельных людей.

О. Козлова и М. Бишаев считают, что на уровень производительности труда влияют только материально-технические факторы, а так называемые социально-экономические факторы лишь способствуют наиболее эффективному использованию источников роста производительности труда⁶.

Одним из основных аргументов в защиту такой точки зрения служит то, что в практике народнохозяйственного строительства отсутствует количественная оценка социально-экономических факторов. Динамику и уровень производительности труда рассчитывают на основе материально-технических факторов. Нам представляется, что эта точка зрения не совсем правомерна, поскольку такие важнейшие социально-экономические факторы, как внедрение НОТ, творческая производственная активность работников, движение за коммунистическое отношение к труду и другие, активно влияют на производительность труда.

Например, усиление материальной и моральной заинтересованности, правильное их сочетание, повышение квалификации и культурно-технического уровня работников, творческая производственная активность, социалистическое соревнование и т. п. приводят к сокращению численности рабочих, не выполняющих норм выработки, увеличению среднего процента выполнения норм. Рациональная организация трудовых процессов, распространение передового опыта, внедрение прогрессивных методов труда, укрепление дисциплины, правильная расстановка кадров способствуют улучшению использования оборудования, уменьшению внутрисменных простоев. Все это непосредственно сказывается на росте производительности труда. Такие же социально-экономические факторы, как социалистическое соревнование, повышение культуры труда, улучшение быта работников и др., влияют на уро-

⁵ См.: Касперович Е. К. Пути повышения производительности труда в машиностроении. Минск, 1965, с. 199—210; Сероштан Н. А., Сутановский Ф. А. Производительность труда при социализме. Харьков, 1969, с. 70, 251—301; «Методологические проблемы экономики труда». М., 1970, с. 88, 108—109.

⁶ Козлова О., Бишаев М. и др. Общественный труд в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, с. 212; Козлова О. и др. Труд, техника, экономика. М., 1970, с. 142, 153.

вень производительности труда через действие ряда материально-технических факторов.

Ключ к правильной классификации факторов роста производительности труда дают положения классиков научного коммунизма. «Производительная сила труда,— пишет К. Маркс,— определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»⁷.

Положение К. Маркса о факторах роста производительности труда находит свое творческое развитие применительно к задачам строительства социализма в произведениях В. И. Ленина. В. И. Ленин учил, что «подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства, топлива, железа, машиностроения, химической промышленности». К числу других равноценных условий В. И. Ленин относит, во-первых, «образовательный и культурный подъем массы населения», а во-вторых,— «повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации»⁸.

Действительно, эффективное использование достижений науки и техники немислимо без повышения образовательного и культурного уровня трудящихся, их профессионального мастерства. Внедрение новой техники, подъем культурно-образовательного уровня работников требуют совершенствования организации труда, укрепления трудовой дисциплины. Новую организацию труда В. И. Ленин связывал с принципом его оплаты по количеству и качеству, с материальной заинтересованностью.

При капитализме тоже действуют социально-экономические факторы, влияющие на производительность труда. К. Маркс писал, что «здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила...

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии..., увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...»⁹

В. И. Ленин указывал, что «определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда... или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»¹⁰.

Таким образом, содержание и механизм действия всеобщего закона повышающейся производительности труда при социализме обуславливаются не только общими факторами ее роста, присущими всем общественным формациям, но и специфическими формами социалистической организации труда, самой природой социалистического общественного строя.

По нашему мнению, недооценка социально-экономических факторов при планировании роста производительности труда и в практике организации выполнения народнохозяйственных планов отрицательно сказывается на развитии производства.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 48.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 188.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 45.

Смысл планирования роста производительности труда по факторам заключается прежде всего в том, чтобы спланировать по каждому фактору конкретные мероприятия, обеспечивающие рост производительности труда в данный планируемый период. Исходя из того, что фактор — это причина, движущая сила любого процесса, мы должны использовать всю совокупность факторов, влияющих на рост производительности труда, в том числе социально-экономических. При подготовке перспективных и годовых планов роста производительности труда наряду с разработкой организационно-технических мероприятий необходимо также предусмотреть мероприятия по совершенствованию производственных и социально-экономических отношений, более широкому и гибкому использованию экономических рычагов, обеспечивающих материальную и моральную заинтересованность работников в росте производительности труда.

Для того, чтобы планы роста производительности труда были реальными, научно обоснованными, следует учитывать прежде всего те факторы, которые будут оказывать влияние на данный процесс в течение всего планируемого периода. Каждый фактор выступает относительно самостоятельным компонентом изменения уровня производительности труда, обладающим своими свойствами и выполняющим специфическую функцию в системе целого. Относительная самостоятельность факторов проявляется в том, что одни из них более подвижны, изменчивы, другие, наоборот, инертнее.

В этой связи надо сказать, что в нашей литературе нет единства мнений при классификации факторов роста производительности труда. Одни авторы выделяют группу производственных, личных и природных факторов¹¹, другие — объединяют производственные и природные факторы в одну группу материально-технических и, помимо личных, выделяют факторы, характеризующие организацию общественного производства¹². Третьи, помимо факторов роста производительности живого труда, учитывают изменение материальных затрат¹³.

Е. К. Середницкая и Н. С. Семейкин различают следующие группы факторов: 1. Повышение технического уровня производства. 2. Улучшение организации производства, труда, управления. 3. Повышение культурно-технического уровня работников и их квалификации. 4. Изменение природных условий¹⁴.

Л. А. Костин¹⁵ и П. Ф. Петроченко¹⁶ ограничиваются признанием только групп, упомянутых в «Методических указаниях к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР» (1974 г.).

В. Г. Васильев наряду с социально-экономическими упоминает и социальные факторы, но четких различий между ними не приводит¹⁷. На наш взгляд, вопросы классификации и механизма влияния соци-

¹¹ См.: Еремина Н. М., Маршалова В. П. Статистика труда. М., 1971, с. 134.

¹² См. «Политическая экономия». Под ред. Н. С. Спиридоновой. М., 1970, с. 360.

¹³ См.: Глухов А. А., Проскуряков В. М. Производительность труда на предприятиях в условиях хозяйственной реформы. М., 1970, с. 59—60.

¹⁴ См.: Середницкая Е. К. Планирование производительности труда. М., 1971, с. 32; Семейкин Н. С. Пути повышения производительности труда на предприятии. Харьков, 1972, с. 17.

¹⁵ См.: Костин Л. А. Производительность труда и технический прогресс. М., 1974, с. 25.

¹⁶ Экономика труда. Под общ. ред. П. Ф. Петроченко. М., 1970, с. 48.

¹⁷ См.: Васильев В. Г. Проблемы повышения производительности труда на предприятиях промышленности и транспорта. М., 1974, с. 51.

ально-экономических факторов на рост производительности труда наиболее удачно освещены А. Н. Гржегоржевским и Г. Я. Фроловым¹⁸. Они дают обобщенную характеристику роли и механизма действия социально-экономических факторов роста производительности труда, классифицируя их на подфакторы.

Уровень производительности труда следует рассматривать как величину, складывающуюся под влиянием шести элементов производственного процесса: предмета труда, орудий труда, продукта труда, организации производства и труда, технологии производства и самого труда. Из этого следует, что степень развития каждого элемента в их взаимосвязи в конкретном звене оказывает непосредственное воздействие на достигнутый здесь уровень производительности труда. К. Маркс писал, что производительность труда рабочего не может повыситься «без изменений средств или методов его труда или того и другого одновременно»¹⁹. Поэтому изменение уровня развития указанных элементов мы рассматриваем как укрупненные факторы роста производительности труда.

Важнейшим направлением совершенствования подфакторного планирования производительности труда является уточнение укрупненных групп применительно к производственным особенностям отдельных отраслей и звеньев. Использование классификаций с различной последовательностью одинаковых факторов или классификаций, отличающихся составом факторов, не позволит сопоставить расчеты в разных звеньях и получить необходимые данные для планирования и анализа производительности труда.

В целях совершенствования планирования, учета и анализа все факторы роста производительности труда, на наш взгляд, можно объединить в пять групп:

1. **Технические** — механизация и автоматизация производственных процессов; внедрение нового и модернизация действующего оборудования; совершенствование технологических процессов на базе действующего оборудования (в том числе расширение групповой обработки деталей); изменение конструкций и технических характеристик изделий, повышение их технологичности, развитие стандартизации, нормализации и унификации; изменение качества сырья, внедрение новых видов материалов; химизация производства.

2. **Организационные** — специализация и концентрация производства; разделение и кооперация труда; увеличение норм и зон обслуживания; организация и обслуживание рабочих мест; совмещение профессий и функций; ритмичность работы предприятия; совершенствование организационной структуры управления и производства.

3. **Социально-экономические** — повышение культурно-технического уровня работников; совершенствование форм материального и морального стимулирования труда; укрепление социалистической дисциплины труда; эффективная расстановка и рациональное использование работников на производстве, включая внедрение оптимальных режимов труда и отдыха; совершенствование охраны труда и техники безопасности; улучшение бытового обслуживания на производстве; совершенствование социальной организации предприятия; улучшение отношения работников к предприятию, к коллективу, к труду, к профессии, сокращение текучести кадров; сокращение потерь рабочего времени; повышение творческой производственной и общественной ак-

¹⁸ См. «Социалистический труд», 1972, № 7.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 324.

тивности работников; повышение среднего уровня выполнения норм выработки; развитие науки и применение ее достижений в практике коммунистического строительства; развитие социалистического соревнования и распространение опыта передовиков и новаторов производства; обеспечение рациональной структуры и форм организации вне-рабочего времени, досуга работников; эффективная система профориентации и профконсультации, укрепление семейно-бытовых отношений работников; забота о реализации жизненных планов, интересов, стремлений, воспитание ценностных ориентаций и установок работников, отвечающих социалистическим, коммунистическим идеалам; неуклонное повышение материального благосостояния, идейно-политического и духовного уровня работников.

4. Природно-климатические — горно-геологические условия залегания природных ископаемых и мощность пластов; плодородие почвы, климат; богатства естественных месторождений; содержание полезных ископаемых в рудах.

5. Структурные — изменения структуры производственной программы, в том числе удельного веса новых изделий; изменение доли покупных полуфабрикатов и комплектующих изделий; комбинирование производств; освоение новых видов производства.

Все эти факторы и подфакторы оказывают определенное влияние на рост производительности труда, но для его количественной оценки необходимы соответствующие показатели и методы, что, однако, не входило в задачи данного исследования. Некоторые методы количественной оценки влияния социально-экономических факторов на рост производительности труда даны в работах Д. Карлухина и Н. Ковалевой²⁰.

Разработанная нами классификация факторов применительно к машиностроению отличается от общепромышленной, ибо здесь исключен фактор изменения рабочего периода, машиностроение не является сезонной отраслью.

Внутри групп факторов предлагаемой классификации также имеется своя специфика. Так, считая необходимым учет в одном факторе влияния повышения уровня механизации и автоматизации труда всех категорий работающих, мы выделяем фактор механизации и автоматизации производственных процессов. Отдельные авторы предлагают учитывать влияние механизации труда ИТР и служащих в группе организационных факторов. Вряд ли это обоснованно, поскольку механизация труда ИТР и служащих означает, как и механизация труда рабочих, внедрение оборудования, снижающего затраты труда. Разбивать эффект от проведения одинаковых по существу мероприятий по разным группам факторов нет никаких оснований. Вместе с тем следует усилить внимание к учету эффекта от механизации труда ИТР и служащих, поскольку весьма эффективные теоретические мероприятия в этом направлении не дают пока необходимого практического результата (причины — неэффективное использование техники, недостаток кадров, несоответствие объема работ производительности оборудования и т. п.).

В предлагаемой классификации мы выделяем фактор сокращения потерь рабочего времени и одновременно исключаем фактор сокращения простоев и отклонения от нормальных условий работы. Внутрисменные простои оказывают непосредственное влияние на выполнение норм выработки, однако учитываются они на предприятиях недоста-

²⁰ См. «Плановое хозяйство», 1978, № 12, с. 37.

точно полно. Поэтому представляется более правомерным учитывать их косвенно, при расчете влияния роста среднего процента выполнения норм выработки.

В связи с этим в классификации для машиностроения в качестве самостоятельного фактора роста производительности труда необходимо выделить фактор повышения среднего уровня выполнения норм выработки. Если после внедрения организационно-технических усовершенствований производится пересмотр норм выработки, то перевыполнение норм означает, что рост выработки произошел за счет повышения интенсивности труда. Влияние интенсивности не находит отражения в других факторах.

Повышению обоснованности планирования производительности труда способствовала бы разработка методов учета влияния мероприятий по совершенствованию форм материального и морального стимулирования, нормирования, по развитию социалистического соревнования, совершенствованию системы экономических рычагов.

Планирование и учет роста производительности труда по факторам, указанным в предлагаемой нами форме, несомненно, будет способствовать выявлению и использованию внутрипроизводственных резервов роста производительности труда.

Планирование роста производительности труда по факторам должно быть гибким, учитывать особенности каждой отрасли производства и отдельных предприятий. В определенных условиях решающим для той или иной отрасли, отдельных предприятий могут выступать различные факторы.

Предлагаемая классификация, разумеется, не охватывает всего многообразия социально-экономических факторов роста производительности труда. Дальнейшее исследование и раскрытие механизма их действия имеют большое значение как с точки зрения экономической теории, так и повседневной практики хозяйственного строительства.

Х. Газиев

МЕҲНАТ УНУМДОРЛИГИНИ ОШИРИШНИНГ СОЦИАЛ-ИҚТИСОДИЙ ОМИЛЛАРИ ТУҒРИСИДА

Мақолада меҳнат унумдорлигини оширишнинг социал-иқтисодий омиллари классификация қилинади. Муаллиф бу омилларни чуқур ўрганишнинг иқтисодий назария нуқтаи назаридан ҳам, амалий жиҳатдан ҳам фойда муҳимлигини таъкидлайди.

Р. ХАЙИТОВ

**ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ
ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСХОЗОВ**

Леса Узбекистана, хотя они и занимают сравнительно небольшую площадь, имеют огромное водоохранное и санитарно-гигиеническое значение. Они дают приют богатой фауне, служат основной базой охотничьего промысла и пчеловодства. Лесные насаждения были и остаются решающим фактором, предотвращающим смыв и размыв почв, оползни, сели и разрушительные процессы ветровой эрозии на горных склонах и равнинах.

Охрана лесов от лесонарушений, сохранение и развитие лесных запасов были и остаются важной народнохозяйственной задачей. Сберегая имеющиеся лесные фонды, правительство республики за последние годы сократило расчетную лесосеку со 125 до 85 тыс. м³ древесины.

В принятом в сентябре 1976 г. совместном постановлении «О мерах по развитию лесного хозяйства республики в десятой пятилетке»¹ ЦК Компартии Узбекистана и Совет Министров УзССР отметили, что за годы девятой пятилетки органами управления лесным хозяйством, в том числе лесхозами, проделана определенная организационно-хозяйственная работа, позволившая полнее использовать лесные ресурсы и земли гослесфонда, повысить продуктивность и улучшить качественный состав лесов.

Постановлением одобрены мероприятия, направленные на сохранение и увеличение лесных ресурсов, повышение продуктивности лесов, внедрение комплексной механизации, химизации и улучшение культурно-бытовых условий работников лесхозов.

ЦК Компартии и правительство республики обязали органы управления лесным хозяйством активизировать работу по внедрению передовой агротехники, технического прогресса, усилить борьбу с нарушениями правил лесопользования, браконьерством, увеличить приживаемость лесонасаждений. Партийным и советским органам поручено оказывать больше внимания и практической помощи лесхозам, глубже вникать в их деятельность, систематически контролировать выполнение установленных планов².

Согласно ст. 17 Лесного кодекса УзССР, ведение лесного хозяйства в лесах государственного значения возлагается на лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства республики (т. е. органов Минлесхоза УзССР) и другие предприятия, организации, учреждения, за которыми закреплены эти леса.

Лесо-землепользователь может быть определен как организация (учреждение, предприятие) или гражданин, которые реализовали свою

¹ СП УзССР, 1976, № 9.

² Там же, ст. 53.

правоспособность, став фактическими участниками отношений лесоземлепользования, т. е. приобрели определенные права и приняли на себя соответствующие обязанности.

На лесопользователей возлагаются (ст. 18 ЛК УзССР) воспроизводство, охрана, защита и улучшение санитарного состояния лесов, уход за ними, повышение продуктивности лесов и плодородия лесных почв, организация лесных пользований, учет лесов и другие установленные законодательством обязанности по рациональному ведению лесного хозяйства.

Лесхозы могут выступать субъектами лесохозяйственного и сельскохозяйственного, лесного и нелесного, основного и побочного землепользования. Лесная и земельная правоспособность лесхозов гораздо шире, чем такая правоспособность других социалистических предприятий, организаций, учреждений.

Лесхозы осуществляют большую работу по проведению лесомелиоративных мероприятий, созданию защитных лесных полос и обогащению малопродуктивных пастбищ, особенно в пустынях³. Роль пустынных лесов, закрепляющих подвижные пески, за последние годы резко возросла в связи с интенсивным строительством ирригационных каналов, коллекторов, газонефтепроводов, промышленных предприятий, населенных пунктов, дорог. Поэтому в целях сохранения лесных фондов в песках необходимо перевести их, с учетом их особой почвозащитной роли, в первую группу, с выделением особых категорий — «защитные полосы вдоль культурных земель и важнейших народнохозяйственных объектов» и «пастбище-мелиоративные полосы (зоны)».

Трудно переоценить водоохранную и водорегулирующую роль лесов в условиях Узбекистана. Лесхозы не только сохраняют и поддерживают естественный водный баланс, но и путем проведения широких агролесомелиоративных, лесовосстановительных работ постоянно увеличивают коэффициент полезного действия лесов.

Важное берегоукрепляющее, руслоохранное и берегозащитное значение имеют тугайные насаждения. Поэтому следует поддержать мнение практических работников о целесообразности перевода этих лесов в первую группу, с выделением запретных полос до 1 км шириной. Запретные полосы целесообразно выделять также на землях, переданных ранее из фонда тугайных лесов под сельскохозяйственные нужды. Необходимо, на наш взгляд, обязать землепользователей выделять на полях, освоенных под сельскохозяйственные культуры, полезащитные и биодренажные полосы.

Земли государственного лесного фонда — не просто объект охраны и пользования, а прежде всего — объект научно обоснованного социалистического хозяйствования в целях приумножения народного достояния⁴.

Запланированный в десятой пятилетке рост промышленного и сельскохозяйственного производства объективно требует и расширенного воспроизводства лесных ресурсов. Поэтому лесовосстановление, лесосеменное дело, выращивание посадочного материала, защитное лесона-

³ См.: Васикова М. Законодательная деятельность Узбекской ССР. Ташкент, 1973, с. 232.

⁴ В интересах усиления хозяйственной деятельности лесопользователей целесообразно ввести в лесное законодательство норму, устанавливающую меры материального поощрения пользователя, стимулирующие осуществление мероприятий по усилению охраны лесных фондов и лучшему их использованию. Аналогичное предложение о дополнении проекта Основ горного законодательства внес депутат Верховного Совета СССР А. И. Шибайев («Известия», 1975 г., 8 марта).

саждение, увеличение лесных площадей как функции лесхозов приобретают первостепенное значение.

Согласно ст. 16 Основ земельного законодательства и ст. 46 Земельного кодекса УзССР, изъятие орошаемых и осушенных земель, пашни, земельных участков, занятых многолетними плодовыми насаждениями и виноградниками, для сельскохозяйственных нужд, а также земель, занятых водоохранными, защитными и другими лесами первой группы, для использования в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства, осуществляется в исключительных случаях и только по постановлению Совета Министров Узбекской ССР.

Изъятие земель гослесфонда производится по заключению Минлесхоза УзССР с учетом экономической и производственной целесообразности, а также с учетом заключения лесхоза, который действует в соответствии с Положением «О порядке возбуждения и рассмотрения ходатайств предприятий, организаций и учреждений о предоставлении в пользование земель гослесфонда», утвержденным постановлением Совета Министров УзССР № 413 от 27 августа 1971 г.⁵ Приказом № 197-д от 16 ноября 1971 г. «О фактах нарушения земельного кадастра по отводу земель гослесфонда»⁶ Гослесхоз УзССР потребовал от директоров лесхозов строгого соблюдения данного Положения, обязав их расследовать все попытки захвата и использования земель лесхозов без оформления документации по отводу как нарушение земельного кадастра, а материалы передавать обл-, райисполкомам, в судебные органы и арбитраж для принятия мер к возмещению причиненного лесхозу ущерба и предотвращению нарушений в дальнейшем.

Лесхозы как субъекты права земле-лесопользования обладают общей и отраслевой правосубъектностью. Им присущи все признаки юридического лица, перечисленные в ст. 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: лесхозы оформлены организационно, имеют самостоятельный баланс, выступают в хозяйственных отношениях (например, при заключении договоров с предприятиями и колхозами) от своего имени и несут самостоятельную имущественную ответственность.

Право землепользования лесхозов выступает прежде всего как система организационно-правовых норм, нацеленных на обеспечение рационального использования лесных земель как самим лесхозом, так и другими пользователями лесных фондов в тех целях, для которых они предоставлены. Будучи лесохозяйственным предприятием, лесхоз одновременно является органом государственного контроля по отношению к другим лесопользователям.

В юридической литературе право землепользования обычно понимается как единое правоотношение, состоящее из двух видов правоотношений: 1) землепользователь и государство и 2) землепользователь и все иные субъекты права⁷.

Слишком общий характер такой классификации не отражает специфики права землепользования лесхозов, не раскрывает его содержания.

Право землепользования лесхозов представляет собой единое сложное правоотношение, состоящее, как мы пришли к выводу, из четырех видов правоотношений:

⁵ СП УзССР, 1971, № 8, ст. 53.

⁶ Текущий архив Министерства лесного хозяйства УзССР.

⁷ См., напр.: «Право землепользования в СССР и его виды». М., 1964, с. 145; Иконникова И. А. Разрешение земельных споров. М., 1973, с. 17.

1) правоотношения между лесхозом и государством как собственником земли, предоставившим землю в пользование. Сюда же, наряду с общепризнанными, следует отнести и правоотношения в связи с принятием и выполнением народнохозяйственного плана;

2) правоотношения между лесхозом и определенными органами государства — местными Советами народных депутатов и их исполнительными комитетами, а также вышестоящими органами управления лесным хозяйством;

3) правоотношения между лесхозом как органом государственного контроля и другими лесо-землепользователями;

4) правоотношения между лесхозом как государственным предприятием, юридическим лицом и иными субъектами права.

Содержание права землепользования лесхозов исчерпывающе раскрывает ст. 21 Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик: в лесах и на землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом, могут осуществляться: 1) заготовка древесины, живицы, а также второстепенных лесных материалов (пней, луба, коры и т. д.); 2) побочные лесные пользования (сенокосение, пастьба и т. д.); 3) пользование лесом в научно-исследовательских и в культурно-оздоровительных целях; 4) пользование лесом для охотничьего хозяйства.

Лесхоз как субъект лесо-землепользования, юридическое лицо в порядке реализации своей специальной правоспособности вправе самостоятельно заключать различные договоры с государственными и общественными организациями, предприятиями, учреждениями и гражданами. Разновидностью их являются срочные договоры о передаче права пользования определенными лесными массивами. Согласно ст. 12 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, землепользователь в специально оговоренных в законодательстве случаях вправе передать участок во вторичное пользование.

По общему правилу, право на сенокосение, пастьбу скота оформляется выдачей ордеров на побочное пользование. В отдельных случаях с разрешения райисполкома сенокосные угодья могут закрепляться на ряд лет. Для этого между лесхозом и пользователем должен быть заключен договор, в котором оговариваются конкретные права и обязанности сторон.

Лесхоз заключает договоры с совхозами, колхозами и другими лесхозами о реализации ценных лесных культур. Так, Шафриканский и Каракульский лесхозы по договорам ежегодно поставляют колхозам и совхозам по 100—120 т семян саксаула. Каттакурганский и Бабатагский лесхозы реализуют другим лесхозам семена фисташки.

Госкомитет лесного хозяйства Совета Министров СССР 2 февраля 1971 г. издал приказ № 34 «Об организации постоянной лесосеменной базы на селекционной основе и улучшении лесосеменного дела в стране». Во исполнение данного приказа Гослесхоз УзССР приказом № 51-д от 15 марта 1971 г. наметил ряд конкретных мероприятий, в частности обязательные отводы лесхозами лесосеменных участков⁸.

Таким образом, развитие лесосеменного дела в силу ведомственных указаний следует рассматривать как одну из обязательных функций лесхоза.

По договорам с другими землепользователями (колхозами, совхозами) лесхозы осуществляют террасирование горных склонов и посадку на террасах лесных культур.

⁸ Текущий архив Министерства лесного хозяйства УзССР.

Договорную форму носят и обязательства лесхозов перед колхозами и совхозами по закладке лесных полос.

Распространенным методом оформления хозяйственных взаимоотношений лесхозов с заготовителями являются договоры контрактиции (закупки плодов, ягод, сухофруктов, орехов, меда), заключаемые сроком на 5 лет. Общий договор обычно уточняется ежегодными дополнительными соглашениями, в которых оговариваются количество, вид и сроки продажи продуктов леса, график приема-сдачи продукции, выделение тары, транспортировка товара, местные особенности сторон.

Лесхозы заключают договоры о продаже лесных плодов и непосредственно с предприятиями-потребителями. Так, ряд лесхозов (Узунский, Бурчмуллинский и др.) имеют договоры с Уфимским витаминным заводом о заготовке и продаже шиповника в неограниченном количестве. Самаркандский лесхоз имеет договор с Самаркандским фруктоконсервным заводом о заготовке (силами лесхоза) и продаже заводу яблок.

На основании «Правил о договорах на выполнение проектных и изыскательских работ», лесхозы вправе заключать договоры на производство таких работ с подрядчиком. В роли последнего обычно выступают институт «Узгипросельстрой» и его областные филиалы. Подрядчик принимает на себя обязательство выполнить в срок и по графику работы, а заказчик (лесхоз) — оплатить их согласно сметам, прилагаемым к договору.

При возникновении необходимости в землеустроительных работах лесхозы заключают договоры на их производство с соответствующими землеустроительными организациями. Такая необходимость, в частности, возникает при передаче земель, закрепленных за совхозами и колхозами, в государственный лесной фонд, т. е. в ведение лесхозов.

Так, Министерство сельского хозяйства УзССР включило в план работ Узгипрозема проведение полевых работ, оформление соответствующей документации и выдачу лесхозам государственных актов на право пользования землями. Лесхозы на местах заключили договоры с землеустроительными экспедициями Узгипрозема на производство землеустроительных работ. Такие договоры носят обязательный, плановый характер.

В обязанности лесхозов входит контроль за соблюдением предприятиями и организациями «Положения о государственном контроле за использованием земель», утвержденного постановлением Совета Министров СССР № 325 от 14 мая 1970 г.⁹ Госконтроль призван обеспечивать соблюдение всеми лесопользователями земельного и лесного законодательства, целевой порядок пользования лесными землями, правильность ведения документации в целях рационального использования и охраны лесов.

Администрация лесхоза вправе обследовать лесные угодья лесопользователей, составлять акты (протоколы) о результатах обследования с обязательным участием представителей лесопользователя, требовать предоставления необходимых сведений и документов, давать рекомендации по правильному использованию и охране лесных участков.

В условиях высокой механизации лесохозяйственного производства, осуществления мелиорации земель, проведения широких лесовосстановительных работ обязанность лесхозов по обеспечению наиболее

⁹ СП СССР, 1970, № 9, ст. 71.

рационального использования лесных ресурсов приобретает исключительное значение.

Надо оговориться, что лесхозы в Положении о государственном контроле за использованием земель прямо не упоминаются, как и лесопользователи. Однако практика идет по пути признания за лесхозами этой обязанности. Признает эту функцию лесхозов и Прокуратура СССР¹⁰. А главное, — она прямо вытекает из правового положения лесхозов как органов, осуществляющих государственный контроль за использованием лесов различными лесопользователями.

Лесхоз вправе, согласно п. «б» ст. 8 Положения, вносить в соответствующие органы представления о приостановлении агротехнических и лесомелiorативных работ, дорожного, гидротехнического и иных видов строительства в лесах, разработки полезных ископаемых, изыскательских работ, если их продолжение может привести к эрозии, засолению, заболачиванию и другим процессам, снижающим плодородие лесных почв.

Лесхоз содействует успешной работе школьных лесничеств и другой деятельности общественности по охране лесов и земель государственного лесного фонда. Лесхоз обязан также оказывать повседневную помощь колхозам и совхозам в организации и ведении лесного хозяйства, осуществлять контроль за правильным использованием и охраной колхозных лесов.

Раскрывая содержание права землепользования лесхозов, нельзя не упомянуть о ст. 15 Лесного кодекса УзССР: гослесхозы организуют использование по целевому назначению и обеспечивают охрану земель, определяют площади, на которых должны осуществляться различные виды лесных пользований и проводиться мероприятия по воспроизводству лесов и уходу за лесом, предоставляют земельные участки для осуществления лесных пользований и связанных с этим нужд, выделяют участки для организации лесных питомников, плантаций и т. п.

Все это способствует рациональному использованию, охране и умножению лесных насаждений как одному из важных звеньев в общей системе управления качеством окружающей природной среды.

Р. Хайитов

**УРМОН ХУЖАЛИКЛАРИНИНГ ЕРДАН ФОЙДАЛАНИШ
ХУҚУҚИ ТУШУНЧАСИ ВА МАЗМУНИ**

Ушбу мақолада Ўзбекистондан олинган конкрет материаллар ми-
солида ўрмон хўжалиқларининг ердан фойдаланиш ҳуқуқини амалда-
ги совет қонунчилигига (шу жумладан ЎзССР Урмончилик Кодекси)
асосланган ҳуқуқлари тушунчаси ва мазмуни таҳлил қилинади.

¹⁰ См. «Социалистическая законность», 1975, № 3, с. 88—89

Навстречу 1000-летию Абу Али Ибн Сины

Ю. Д. ДЖУМБАЕВ

ЭТИКА АБУ АЛИ ИБН СИНЫ

В многогранном научном наследии Абу Али ибн Сины важное место занимает разработка различных проблем этики. Им посвящено немало трудов великого мыслителя, из которых до нас дошли, в частности, «Трактат о любви», «Трактат о душе», «Трактат о птицах», «Этика» и др.

Из автобиографии Ибн Сины известно, что им было создано еще одно фундаментальное произведение по этике — «Доброе деяние и грех» («ал-Бирр ва-л-исм»), написанное в Ургенче. Эту книгу, имевшуюся в единственном экземпляре, Ибн Сина подарил своему соседу — хорезмийцу Абу Бекир Бараки, знатоку фикха и тафсира (толкования Корана и аскетических учений). Но, как отмечал Ибн Сина, Абу Бекир был настолько жадным, что не позволял никому пользоваться ею или хотя бы снять с нее копию. В результате данное произведение до нас не дошло¹.

Мыслитель подчеркивал, что этика — это наука о саморефлексии человека, результат его самонаблюдений и оценки другими его поведения, учение о том, «каким должен быть человек в своих моральных привычках и поступках, чтобы прийти к счастливой жизни»². По Ибн Сине, этика изучает нормы и правила поведения людей по отношению к самим себе и к другим лицам, ибо одно закономерно предполагает другое.

Этические воззрения Ибн Сины были тесно связаны с его политическими и общественно-философскими взглядами, без глубокого и всестороннего изучения которых невозможно получить правильное представление о его этической мысли в целом.

Ибн Сина жил и творил в эпоху, когда любые передовые общественно-философские идеи считались еретическими, а их авторов ожидали строжайшие кары со стороны ревностных служителей ислама. Поэтому он, как и многие другие прогрессивные мыслители того времени, вынужден был выражать свои мысли «эзоповским языком». Так были написаны им аллегории «Рисалат ут-тайр» («Трактат о птицах»), «Хайя ибн Якзон» («Неусыпный сын бодрствующего»), «Саламон и Ибсол», в которых прогрессивные нравственные нормы нашли свое оригинальное выражение.

Изложенная в этих и других произведениях этическая концепция Ибн Сины нередко противоречит предписаниям религиозной этики. В одном из стихотворений он говорил:

¹ См. «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане». Ташкент, 1977, с. 120.

² Ибн Сина. Этика. — Цит. по: Bourke I. History of Ethici. L., 1968, p. 53.

«За безбожье свое перед собой одним я в ответе.
Крепче веры моей не бывало на белом свете.
Но коль единственный в мире — и тот «еретик»,
Значит нет, говорю, правверных в нашем столетье»³.

Подобные вольнодумные идеи были несоместимы с идеологией ислама, и неслучайно Ибн Сина был обвинен мусульманской ортодоксией в ереси, безбожии и подвергался гонениям.

Одна из характерных особенностей этики Ибн Сины заключается в том, что его этические взгляды тесно взаимосвязаны с психологическими наблюдениями. Многие нравственные проблемы трактуются им с точки зрения эмоционально-волевых проявлений психических и духовных свойств человека. Примером может служить его учение о душе.

Ибн Сина разделяет человеческую душу на две силы: действующую и воспринимающую. Воспринимающая сила бывает тоже двоякой: умозрительной и практической. Умозрительное восприятие не связано с делом, а практическое служит причиной поступков⁴. Следовательно, основа нравственных поступков и мотивов человеческого поведения, по Ибн Сине, — практическое восприятие личности.

Великий мыслитель искал причины человеческих поступков, благородные или отрицательные нравственные качества людей в самом человеке, пытался обосновать их с психологической точки зрения. Перед лицом религиозной этики ислама, трактующей все нравственные поступки людей лишь как связанные с «божьей волей», ценность такого взгляда неоспорима.

Разумеется, поведение личности обусловлено не только ее этическими взглядами и психологическими особенностями, но теснейшим образом связано со всей общественной структурой. Ибн Сина, однако, не мог понять объективную закономерность взаимоотношений общества и личности, того факта, что личность и ее нравственные нормы поведения непосредственно зависят от типа общества, его экономической, политической, духовной структуры.

По Ибн Сине, человеческая душа выполняет две функции: функцию теоретического разума, посредством которого познаются умопостижимые универсалии (т. е. общие понятия), и функцию практического разума, который проявляется в осуществлении выводов теоретического разума. Эта функция и составляет сферу так называемого «действующего разума» (акл ал-амали). Здесь речь идет о некоей силе человеческой души, которая управляет телом и преследует цель усовершенствования его с помощью теоретического разума.

Действующий разум, в свою очередь, связан с «возбудительной» и «воображающей» силами. Значение связи действующего разума с «возбудительной» силой, по Ибн Сине, состоит в том, что под ее влиянием в нем возникают такие умственные представления, как стыд, совесть, честь и др. С помощью «воображающей» силы действующий разум намечает разные планы человеческой деятельности. По мнению Ибн Сины, действующий разум обладает известной самостоятельностью и оказывает отрицательное воздействие на такие нравственные поступки человека, как ложь, насилие, обман и т. д.

Итак, учение Ибн Сины о практическом разуме является скорее этическим, нежели психологическим, ибо оно охватывает вопросы нормативности человеческого поведения. Практический разум выступает

³ Цит. по: Брагинский И. С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956, с. 156.

⁴ Ибн Сина. Даниш-намэ. Сталинабад, 1957 с. 265.

как мышление, направленное к применению предварительно признанных нравственно-утилитаристских идей к частным случаям поведения.

Ибн Сина, как и Фараби, уделяет определенное внимание разработке категорий добра и зла, интерпретируемых им лишь в этическом аспекте. «Все, имеющее в мире бытие, — писал Ибн Сина, — по своей природе стремится к совершенству. Стремление к совершенству по своей сущности есть добро...»⁵.

По мнению Ибн Сины, каждый человек может делать добро двояким образом: просто делать добро и делать добро по воле. Именно то добро, которое делается просто как добро, не по принуждению, не по необходимости и не с корыстной целью, он считает совершенным добром.

«Само понятие добра, — говорит мыслитель, имеет два значения: первое — то, что является добром по своей природе, а второе — то, что является добром для кого-то»⁶.

В первом случае имеется в виду, что есть вещи, явления, которые по природе своей заключают в себе добро, т. е. существуют как объективные ценности. В такой интерпретации понятие «добро» имеет общепризнанный философский смысл и не связано непосредственно с моральными качествами личности; во втором аспекте оно выступает как этическая категория, имеющая оценочное значение, т. е. зависит от нравственного облика личности.

«Нет сомнения, — утверждает Ибн Сина, — что добро бывает добром по своей природе, подобно тому как чернота — не что иное как чернота, но есть много вещей, добрых по своей природе, но по отношению к другой вещи свидетельствующих с ее недостатках, как, например, излечение и устранение болезни свидетельствует о нужде души в избавлении от опасности»⁷.

Если проанализировать понятие добра как этической категории, то оно конкретно проявляется в двух противоположных сторонах. С одной стороны, добро относится к человеку, делающему его, с другой, — к человеку, воспринимающему его. Это разделение весьма важно для Ибн Сины, ибо он стремится показать, что по сути дела «добрым» можно назвать человека, который оказывает благое воздействие на других людей, тогда как для «воспринимающего, — отмечает он, — хотя оно является добром, но свидетельством несовершенства, т. е. если бы он был совершенным, то не нуждался бы в получении добра... Такова истина, — резюмирует Ибн Сина, — тогда как, согласно общепринятому мнению, намерение сделать добро считается признаком достоинства и совершенства»⁸.

То, что путь к добру может пролегать только от совершенства человека, от его объективной способности делать добро, — в этом у мыслителя не было никакого сомнения. Но его интересует и другой вопрос — что такое несовершенство с точки зрения добра, существующего само по себе и не связанного с человеческой деятельностью.

С точки зрения Ибн Сины, все живые «первичные тела» существуют ради чего-то (в животном мире бессознательно, в человеческом обществе — целеустремленно. — Ю. Д.), т. е. для обеспечения существования другого живого организма. Иначе говоря, люди должны действовать как единый организм. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, ибо все, что есть в мире, взаимосвязано друг с другом, взаимообуслов-

⁵ Ибн Сина. Трактат о любви. Тегеран, 6. г., с. 6 (на перс. яз.).

⁶ Ибн Сина. Даниш-намэ, с. 216.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 217.

лено непосредственно или опосредованно, через множество звеньев и уз. Но при этом получается, как замечает философ, что «все, что существует для другой вещи, поскольку оно существует для нее, является ниже»⁹. Это значит, что «первичное» по сравнению с «вторичным», хотя и достойнее его, оказывается менее совершенным. Например, продолжает Ибн Сина, «пастух, хотя он как человек достойнее барана, но будучи пастухом, обладает по сравнению с бараном меньшим достоинством, ибо он существует ради барана, иначе он был бы не нужен. Точно так же учитель обладает меньшим достоинством по сравнению с тем учеником, которого он обучает, и т. д. и т. п.»¹⁰

С точки зрения Ибн Сины, подобное определение достоинства добра было бы абсурдным, ибо выходит, что первичные тела по сравнению с вновь возникшими менее совершенны, ибо они якобы прошли этап своего развития. Вместе с тем способность к одной форме приводит к исключению другой.

Ибн Сина отмечает, что к оценке достоинства добра можно подойти двумя способами. Во-первых, то, что хорошо по своему виду, т. е. добро само по себе. Например, люди совершеннее животных, последние совершеннее растений и т. д. Во-вторых, в пределах одного вида одно может быть лучше или хуже другого, например, один человек лучше, чем другой. В первом случае сравниваются различные виды, которые не могут переходить один в другой, например, лошади не могли бы принять человеческую форму, хотя люди более совершенны.

Во втором случае сравнение ведется на основании индивидуальных особенностей — один обладает большими достоинствами, чем другой. «Стало быть, — резюмирует Ибн Сина, — каждый мог воспринять форму по своей мере... и каждая вещь в своем роде совершенна»¹¹. Только на этой основе можно определить меру и достоинство добра — является ли оно более или менее совершенным.

Таким образом, Ибн Сина исходит из отрицания субстанциональности в определении добра и утверждает, что вне человеческого познания, человеческой «меры ценностей» не существует добра. Явления, совершенные сами по себе, вне отношения к человеку, существуют как равные друг другу и в этом смысле сказать, что они совершенны, означает, что они имеют абсолютное бытие. К ним самим оценка «более» или «менее» не приложима.

Иначе обстоит дело с миром человеческих ценностей. Здесь существует иерархия, которая строится в зависимости не от объективных свойств самих вещей, а от нашего восприятия их. Отсюда мера добра определяется не «первичностью» или «вторичностью» воспринимаемого и воспринимающего (например, пастух и стадо), не тем, кто для кого существует, а различием наших индивидуальных способностей. Если человек сам по себе является недостойным, то и мера добра, и его содержание, к которому устремляется человек, — менее совершенны. Напротив, человек, обладающий определенными добродетелями, нацелен на добро, которое имеет «совершенное» содержание.

Хотя Ибн Сина не отрицает существование абсолютного добра и даже связывает его с наличием «самого совершенного существа» — бога, в целом он рассматривает категорию добра с точки зрения иерархии человеческих добродетелей и в перечислении того, какая добродетель более или менее совершенна, безусловно, перенимает позицию Аристо-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 217.

¹¹ Там же.

теля. Для него, как и для Аристотеля, добро в этическом смысле — такая добродетель, которая ориентируется на идеал совершенствования и направлена на общее благо. Однако собственно этическая трактовка Ибн Синою понятия добра перемешивается с пониманием добра, существующего само по себе и зависящего лишь от собственного содержания, что характерно для Сократа и Платона. И все же Ибн Сина идет дальше, стремясь вывести сущность добра из размышлений о характере, цели и последствиях действия, т. е. из его содержания, что было, безусловно, прогрессивно для того времени.

Одно из центральных мест в этике Ибн Сины занимают категории наслаждения и страдания. Мыслитель подчеркивает, что они непосредственно вытекают из восприятия. Нет восприятия — значит нет ни наслаждения, ни страдания.

Восприятие, в свою очередь, выражается двумя способами: первый возникает извне, как чувство, второй — изнутри, как воображение и разум.

Существуют вещи и явления, соответствующие и подобающие силе восприятия. «Наслаждение есть, — писал Ибн Сина, — восприятие соответствующего, а страдание — восприятие несоответствующего»¹². Но бывает и такое восприятие, говорит Ибн Сина, которое не является ни тем, ни другим.

Ибн Сина, как и Беруни, относит к основным и разумным те наслаждения и удовлетворения, которые достигаются посредством внутренних сил. У малодушных, низких и жадных людей, отмечает ученый, преобладает удовольствие, достигаемое посредством внешних сил. «Низким человеком бывает тот, — писал Ибн Сина, — у кого внутренние силы мертвы, и он даже не знает о действии внутренних сил, подобно детям, у которых эти силы еще не пришли полностью в действие»¹³.

По Ибн Сине, нет человека, который бы не стремился к наслаждению. Однако наслаждением лишь тогда бывает высшим, когда достигается посредством духовных сил; низкий же род наслаждения достигается посредством чувственных, внешних сил. Человек, нравственно совершенный, духовно богатый, будет наслаждаться высшим, а неразумный, малодушный стремится лишь к чувственным наслаждениям.

В своем учении об этике Ибн Сина придавал большое значение разработке категорий удовольствия и счастья, в целом трактуя их с тех же позиций, что и наслаждение. Однако он усматривал определенное различие между наслаждением и удовольствием. Если наслаждение трактуется им как объективно существующие предметы, к обладанию которыми стремятся все люди, и эти объекты можно разделить на чувственные и интеллектуальные, то удовольствие характеризует отношение человека, его состояние, эмоциональную либо рассудочно-оценочную нагрузку, которую испытывают душа или разум человека, обладая этими объектами наслаждения. Вот почему Ибн Сина различает два вида удовольствия: внешнее и внутреннее. Под внутренним он подразумевает то удовольствие, которое вызывается деятельностью внутренних чувств (интеллектуальных функций) и деятельностью разума. Это удовольствие гораздо выше внешнего, вызываемого деятельностью внешних чувств (например, вкусные блюда и т. д.).

¹² Ибн Сина. Даниш-намэ, с. 195.

¹³ Там же.

По мнению Ибн Сины, «так как внутренние наслаждения являются более высокими и сильными, чем внешне-чувственные наслаждения, даже тогда, когда они не являются разумными, то очевидно, что разумные наслаждения являются еще более превосходными, высокими и сильными наслаждениями»¹⁴.

Ибн Сина высоко оценивает роль и значение тех нравственных поступков, которые совершаются духовно богатыми людьми и составляют для них высшее наслаждение. Удовольствие, указывает мыслитель, непосредственно зависит от понимания человеком смысла жизни — каково это понимание, таково и содержание удовольствия.

Параллельно с категорией наслаждения Ибн Сина рассматривает категорию счастья, трактуемого им как высшее совершенство, «не нуждающееся в посторонних вещах для приобретения им красоты и величия»¹⁵.

В своей «Этике» Ибн Сина писал, что посредством этой науки человек узнает пути достижения счастья в земной жизни¹⁶. Философ рассматривал земную жизнь с оптимистических позиций. Он считал, что человек может достичь счастья в этом реальном мире. Это противоречило учению ислама, утверждавшего, что счастье ожидает людей лишь «на том свете».

В своей аллегории «Трактат о птицах»¹⁷ Ибн Сина прямо говорит, что счастье там, где живут твои друзья, с которыми ты ежедневно видишься, работаешь и радостно проводишь свое время.

Вместе с тем Ибн Сина отчетливо видел пороки современного ему общества, в котором царили бесправие и несправедливость, где основой и мерилom человеческой ценности были деньги, богатство. Гнет правителей-тиранов философ испытал на себе. Спасаясь от преследований Махмуда Газневи, Ибн Сина вынужден был покинуть родные места и долгие годы скитаться на чужбине. Горестно вспоминая эти дни, он писал: «Когда я стал великим ученым, большие города для меня оказались тесными, мои заслуги не были оценены должным достоинством»¹⁸.

Однако он не мог понять истинных причин того, почему немногие люди живут в изобилии, роскоши, наслаждаясь земным счастьем, а подавляющая масса — в нищете и бесправни.

Счастье, по Ибн Сине, прежде всего включает в себя интеллектуальное совершенство личности: оно более устойчиво и всесторонне, а внешнее, хотя и является блестящим, красивым, но изменчиво, преходяще¹⁹.

Тем самым мыслитель подчеркивал относительный характер счастья.

Однако учение Ибн Сины о счастье было внутренне противоречивым. Высшим, наиболее совершенным счастьем он все же считал то, которое достигается в потустороннем мире. «Счастливым человеком является тот, — писал он, — кто ищет для своей души того состояния счастья, которое она обретает, когда отделяется от тела»²⁰. Это счастье, обретаемое в сфере небесных наслаждений, никогда не отворачивает своих взоры от высшего к низшему, оно представляет собой высочайшее великолепие и восприятие высшего блаженства.

¹⁴ Цит. по: Закуев А. К. Психология Ибн Сины. Баку, 1958, с. 62—64.

¹⁵ Ибн Сина. Даниш-намэ, с. 198.

¹⁶ См.: Ибн Сина. Этика. — В кн.: Vouge I. Op. cit., p. 53.

¹⁷ См.: Ирисов А. Тайр қисаси. — В кн.: Абу Али ибн Синнинг фалсафий қиссалари, Тошкент, 1963, с. 14—21.

¹⁸ Цит. по кн.: Ирисов А. Указ. соч., с. 8.

¹⁹ Ибн Сина. Даниш-намэ, с. 198.

²⁰ Там же.

Подобные мысли, на наш взгляд, объясняются не только влиянием традиций и условий той эпохи, но и в известной мере связаны с личной жизнью ученого, полной невзгод и тревог. Были моменты, когда Ибн Сина перед лицом исключительных трудностей, не находя правильных путей, колебался, предавался пессимизму. «О! если бы я знал, кто я,— говорил он в одном из стихотворений,— зачем скитаюсь по свету, если бы я знал, что буду счастлив, жил бы себе спокойно. Ну, а если не так, лил бы, рыдая, слезы»²¹.

Определенный теоретический интерес представляет учение Ибн Сины о любви, интерпретируемой им не только в нравственном, но и более абстрактном, общефилософском аспекте.

По мнению Ибн Сины, каждая сущность, как в неорганическом, так и в органическом мире, устремлена к совершенству. Движущая сила любого стремления — любовь, выступающая главной пружиной всякого существования. Отсюда его взгляды о наличии любви в простых телах, даже не имеющих чувств, в «растительных душах», в «животных душах» и т. д. Но самой высшей Ибн Сина считал любовь человеческую, которая облагораживает людей, делает их добрыми и красивыми. Человек без любви — ничто, ибо тот, кто лишен этого чувства, «не достигает своей цели и желания»²². Следовательно, такой человек по существу несовершенен и представляет собой носителя нравственного порока в обществе.

Вот почему мыслитель полагал, что каждый человек по своей природе обладает чувством любви, ибо стремление к совершенству присуще всему человеческому роду. Любовь имеет врожденный характер, т. е. выступает как естественная необходимость, неотделимая от человеческой природы²³. Возбуждающей силой ее может выступать человеческая страсть, т. е. самое сильное желание личности. Но, с другой стороны, подчеркивает философ, любовь бывает и разумной, не поддающейся силе страсти, инстинкту. Между этими видами любви идет постоянная борьба, и если в ней побеждает разумная любовь, это непременно приводит к добру и счастью²⁴. Каждое добро, по Ибн Сине, обладает объектом любви, т. е. у добродетельного человека преобладает разумная любовь. При этом лишь взаимная любовь составляет основу человеческого счастья.

Следует, однако, отметить, что Ибн Сина в данном вопросе находился под влиянием суфизма, ибо не отрицал существования божественной любви, достигаемой «на том свете». Этой проблеме он посвящает последнюю главу своей книги. Но для нас важен тот факт, что любовь, по Ибн Сине, — не только природная потребность, а важный социальный фактор, играющий большую роль в жизни человека, возлагающий на него определенные нравственные и правовые обязанности. С точки зрения мыслителя, лишь тот человек достоин разумной любви, который соблюдает все эти обязанности. Подобные идеи, несмотря на их ограниченность, были весьма прогрессивными для того времени, когда отрицали всякую любовь, помимо «божественной, потусторонней».

Таким образом, этические взгляды Ибн Сины — явление весьма характерное для общего духа его философских идей не только в содержательном смысле и прежде всего в подчеркнuto рационалистическом подходе к трактуемым проблемам, но и в опоре на идейную традицию.

²¹ Ибн Сино. Маърифатги шоир. Тошкент, 1976, с. 15.

²² Ибн Сина. Трактат о любви, с. 3.

²³ Там же, с. 4.

²⁴ Там же, с. 5.

Хотя в этике Ибн Сины мы видим сплав различных направлений и подходов, присущих прежде всего древнегреческой философии, тем не менее примечательно то, что она пронизана одной центральной идеей — мыслью о том, что в основе морали лежит стремление человека к само-совершенствованию; высшим законодателем и последним приговором поведения человека являются не сами по себе понятие и категории этики, а то, как они воспринимаются, оцениваются его душой и разумом, который для Ибн Сины был значимым критерием моральности и первой предпосылкой взаимоотношений людей, основанных на добре и справедливости.

По Ибн Сине, все поступки человека совершаются практическим разумом и руководствуются им. Вместе с тем именно это и составляет, на наш взгляд, основную слабость его этической концепции. Ибн Сина не воспринимал мораль как общественный институт, регулирующий взаимоотношения людей с позиций определенных социальных групп, как отражение господствующих общественных отношений. Однако эта слабость была присуща не только его этике, а всем этическим, философским воззрениям той эпохи. Историческая ограниченность взглядов мыслителя-энциклопедиста не может заслонить от нас главное содержание его этического учения — гуманности, страстного призыва к глубоко нравственным отношениям между людьми, решительного неприятия нравственных пороков, присущих окружавшей мыслителя социальной среде, веру и стремление к достижению счастья и блага для всех людей.

Ю. Ж. Жумабаев

АБУ АЛИ ИБН СИНО ЭТИКАСИ

Абу Али ибн Сино таваллудининг 1000 йиллигига бағишланган мазкур мақолада буюк олимнинг этик қарашлари, хусусан унинг яхшилик ва ёмонлик, лаззатланиш ва заҳмат чекиш, бахт-саодат сингари категорияларга оид қарашлари ҳақида фикр юритилади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПОДГОТОВКА КАДРОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УзССР
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют огромное внимание расширению и повышению качества подготовки дипломированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Это с новой силой подчеркнуто в принятом в июле 1979 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов»¹.

Большая работа в этом направлении ведется в Узбекской ССР, где в настоящее время действует 43 высших и 189 средних специальных учебных заведений. Только в 1979 г. в народное хозяйство республики направлено около 106 тыс. специалистов, в том числе около 43 тыс. выпускников вузов и около 63 тыс. выпускников средних специальных учебных заведений².

Важное значение придается таким эффективным формам подготовки специалистов, как вечернее и заочное обучение. Неслучайно в постановлениях партии и правительства особо отмечается необходимость «обеспечить значительное улучшение подготовки кадров без отрыва от производства»³. Существенные успехи в этом отношении достигнуты и в Узбекистане. Почти во всех вузах и техникумах республики функционируют заочные отделения.

Заочная форма обучения создает работающей молодежи, в том числе сельской, реальные возможности для получения среднего специального и высшего образования.

Увеличение численности поступающих со средним общим образованием на заочные отделения средних специальных и высших учебных заведений — явление прогрессивное с точки зрения дальнейшего совершенствования качества подготовки кадров, ибо подготовка данной категории специалистов идет в основном за счет лиц, уже имеющих определенные знания и практические навыки. Кроме того, эта форма подготовки требует меньших затрат. Так, стоимость обучения одного специалиста в техникуме на базе восьмилетнего образования (8 классов школы плюс техникум) за последние годы составляет в среднем по дневной форме обучения 2,8 тыс. руб., а на базе среднего образования — 2,4 тыс. руб.; в системе вечернего обучения — соответственно 1,5 и 1,3 тыс. руб.; на заочных отделениях — 1,2 и 1,0 тыс. руб.⁴

Заочное высшее и среднее специальное образование призвано обогащать теоретическими знаниями людей, работающих на производстве, обладающих практическим опытом и стремящихся получить высшее и среднее специальное образование. Это дает возможность имеющим большой практический опыт, обогащенным знаниями науки работникам уверенно управлять современным сложным производством.

Социалистическое государство предоставляет всем рабочим и служащим, обучающимся без отрыва от производства и имеющим стаж практической работы по избранной специальности, различные льготы и преимущества в целях более успешного повышения их общеобразовательного и культурно-технического уровня⁵.

О развитии системы высшего и среднего специального образования без отрыва от производства в УзССР можно судить уже по следующим данным. В 1970/71 г. в вузах Узбекистана на вечерних отделениях занималось 30,9 тыс. человек, а в 1976/77 г. — 37,2 тыс.; на заочных отделениях их число к этому времени превысило 86 тыс. человек. В средних специальных учебных заведениях республики на вечерних

¹ «Правда», 1979 г., 12 июля.

² «Правда Востока», 1979 г., 28 июля.

³ «Правда», 1979 г., 12 июля.

⁴ См.: Разыков Х. С. Проблема специализации и управления сельскохозяйственным производством. Ташкент, 1977, с. 43.

⁵ См. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик». М., 1971, с. 125.

и заочных отделениях в 1970/71 г. обучалось 59,8 тыс., а в 1976/77 г. — 63,9 тыс. человек⁶. Только в 1975 г. на вечерние и заочные отделения вузов и средних специальных учебных заведений УзССР было принято 38,9 тыс. человек⁷. Выпуск же специалистов по этим отделениям в том году превысил 31 тыс. человек, из них около 15,5 тыс. — с высшим образованием⁸.

Большое внимание уделяется подготовке дипломированных специалистов без отрыва от производства для сельского хозяйства — хлопководства, ирригации, животноводства и других отраслей колхозно-совхозного производства.

Особенно резко возросли число принятых, контингент учащихся и выпускников — сельской молодежи, обучавшейся в сельскохозяйственных вузах без отрыва от производства (табл. 1).

Существенно повысилось и качество подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием без отрыва от производства. Учащиеся заочных отделений техникумов и вузов в основном успешно, в установленные сроки оканчивают учебные заведения.

Вместе с тем надо отметить, что в настоящее время в сельскохозяйственных техникумах наблюдается тенденция понижения контингента учащихся и числа выпускников по отдельным сельскохозяйственным специальностям (табл. 2).

Важнейшими условиями сохранения контингента учащихся и получения высококвалифицированных специалистов являются укрепление связи вузов и техникумов с предприятиями и хозяйствами, своевременная помощь студентам, учащимся техникумов со стороны руководителей на производстве, сочетание эффективного контроля с конкретными мероприятиями, позволяющими заочникам успешно сочетать труд и учебу.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлениях «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» (июнь 1972 г.) и «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и об улучшении качества подготовки специалистов со средним специальным образованием» (сентябрь 1974 г.) обязали соответствующие органы принять необходимые меры к дальнейшему повышению качества подготовки специалистов в системе заочного обучения⁹.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» также требует учета специфики вечернего и заочного образования¹⁰.

В сельскохозяйственных вузах и техникумах УзССР ведется большая работа по совершенствованию преподавания, методов обучения. Например, в ТашСХИ, на восьми факультетах которого заочно обучается более 4 тыс. человек¹¹, созданы все необходимые условия для плодотворной учебы. Занятия проводятся в хорошо оборудованных лабораториях, к услугам студентов — библиотеки, столовые, общежития.

Особое внимание уделяется подготовке кадров среднего звена. На заочное отделение ТашСХИ принимаются механизаторы, бригадиры, руководители участков и отделений, изъявившие желание учиться без отрыва от производства и имеющие трудовой стаж не менее двух лет. В настоящее время, например, в Институте без отрыва от производства обучаются Герои Социалистического Труда Жиянкул Рустамов, Ахмаджон Валиев, депутат Верховного Совета УзССР Ульмасхон Ерова, кавалер ордена Ленина Холбуя Рустамова и др.¹²

В подготовку специалистов сельского хозяйства без отрыва от производства весомый вклад вносят и другие сельхозвузы республики: СамСХИ, ТИИИМСХ, Андиджанский институт хлопководства. Так, в СамСХИ с начала его существования без отрыва от производства подготовлено 3713 специалистов сельского хозяйства¹³. Только в девятой пятилетке Институт дал сельскому хозяйству республики 608 агрономов, 355 зоотехников, 395 ветврачей, 79 зоотехников-каракулеводов, прошедших обучение без отрыва от производства. Это на 303 человека больше, чем в восьмой пятилетке¹⁴.

Привлечение сельских труженников к учебе в вузах и техникумах без отрыва от производства постоянно находится в поле зрения партийных органов, руководителей

⁶ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 280.

⁷ См. там же, с. 287.

⁸ См. там же, с. 288.

⁹ См. «Об идеологической работе КПСС. Сборник документов». М., 1977, с. 513, 571.

¹⁰ «Правда», 1979 г., 12 июля.

¹¹ Текущий архив ТашСХИ. Отчеты за 1977/78 учебный год.

¹² Там же.

¹³ Текущий архив СамСХИ. Отчеты о деятельности института за 1975/76 учебный год, л. 42—43.

¹⁴ Там же, л. 43.

колхозов и совхозов республики. Например, только в 1975 г. в Самаркандской области заочно окончили вузы 1720, техникумы — 1557, в Ферганской области — соответственно 1024 и 1906 человек¹⁵ и т. д.

Среди выпускников заочных отделений вузов и техникумов сельскохозяйственного профиля немало видных партийных и хозяйственных руководителей. В их числе — директор целинного совхоза И. Ахунова, Герой Социалистического Труда Ш. Кудратов, председатели колхозов О. Камалова, М. Джалалов, Ж. Кучиев, бригадир комсомольско-молодежной бригады, депутат Верховного Совета УзССР Т. Тухтабаев и многие другие.

В результате принятых в последние годы мер по более широкому вовлечению сельских труженников в вузы и техникумы без отрыва от производства села республики из года в год пополняются высококвалифицированными кадрами. Если в 1972 г.

Т а б л и ц а 1*

Показатели, чел.	1971/72 уч. г.	1972/73 уч. г.	1975/76 уч. г.
Число принятых из сельской местности	1320	1904	1961
Контингент учащихся из сельской местности	1119	1460	1670
Выпуск специалистов	958	1092	1163

* Составлена по данным архива ЦСУ УзССР, ф. 1619, д. 26, л. 11; д. 20, л. 13; д. 29, л. 27.

в селах Узбекистана работали с высшим и средним специальным образованием 4773 агронома, 1854 зоотехника, 2109 ветеринарных работников, 5214 инженеров и техников, то в 1976 г. их стало соответственно — 6597, 2636, 2999, 7867¹⁶.

Т а б л и ц а 2*

Специальность	Выпущено, человек				
	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Экономика	543	374	288	288	288
Гидромелиорация	228	152	176	225	225
Механизация гидромелиоративных работ	204	204	237	105	115

* Составлена по данным текущего архива Министерства сельского хозяйства УзССР, д. 8, л. 143, 172.

В настоящее время все главные специалисты (главные агрономы, зоотехники, инженеры, ветврачи, а также почти все агрономы и зоотехники имеют высшее и среднее специальное образование.

Слав глубоких теоретических знаний, практического опыта и организаторских способностей выпускников заочных отделений вузов и техникумов дает прекрасные результаты. Например, выпускник Андижанского института хлопководства Н. Тешаев три года трудился бригадиром колхоза им. К. Маркса Джалалкудукского района Андижанской области. За это время урожайность хлопчатника в его бригаде повысилась с 16 до 28 ц/га. Ныне он — главный агроном колхоза¹⁷.

¹⁵ См. «Бюллетень ЦСУ УзССР. Основные показатели развития народного образования и подготовки кадров вузами и техникумами в 1970, 1971, 1975 гг.», Ташкент, 1976, с. 29, 34.

¹⁶ Подсчитано по статистическим ежегодникам «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 году», Ташкент, 1973, с. 178, 180, и «Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет...», с. 156.

¹⁷ «Андижанская правда», 1975 г., 5 ноября.

Депутат Верховного Совета УзССР, бригадир хлопководческой бригады С. Муйдинова учится заочно на четвертом курсе Андижанского института хлопководства. За 1972—1977 гг. в ее бригаде урожайность хлопчатника поднялась с 36 до 63 ц/га¹⁸.

Выпускница Ферганского сельхозтехникума Ф. Ахмедова третий год работает бригадиром хлопководческой бригады в колхозе «Ленинград» Учкурганского района Наманганской области. В 1977 г. ее бригада добила 35-центнеровой урожайности хлопка, тогда как в предыдущем году она собрала лишь по 28 ц/га¹⁹.

Эти примеры наглядно иллюстрируют известное положение о значении и роли высококвалифицированных кадров в повышении производительности труда. Чем выше уровень подготовки работников, чем глубже их специальные знания, тем эффективнее их труд.

Однако не во всех еще областях республики подготовке специалистов сельского хозяйства без отрыва от производства уделяется должное внимание. Так, в Наманганской области в 1975 г. вузы окончили только 360, а техникумы — 355 человек, в Сырдарьинской — соответственно 259 и 546 человек²⁰.

Нельзя не отметить тот факт что, по данным Министерства сельского хозяйства УзССР, среди практиков — директоров совхозов почти все учатся заочно в высших и средних специальных учебных заведениях. В то же время доля обучающихся среди практиков — председателей колхозов и их заместителей значительно ниже. В 1975 г., например, заочно училось около 15% председателей колхозов и их заместителей.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с привлечением к заочному высшему и среднему специальному образованию руководителей среднего звена. Так, из 25 438 бригадиров в растениеводстве 75% являются практиками²¹, но лишь незначительная часть их учится заочно. Между тем в селах республики еще недостаточно специалистов с высшим и средним специальным образованием: экономистов, ветработников, а также специалистов индустриального и строительного профиля (инженеров, техников, механиков, заведующих ремонтными мастерскими, старших прорабов, прорабов, инженеров и техников — строителей, бригадиров строительных бригад).

Весьма актуален вопрос о рациональном размещении учебных заведений по территории республики. Наибольшее количество специалистов готовится в Ташкенте и Самаркандской области, где традиционно сложился крепкий отряд хорошо подготовленных педагогических и научных кадров. В других областях также имеются большие возможности для подготовки высококвалифицированных кадров, но эти возможности используются пока недостаточно.

Расчеты Министерства сельского хозяйства Узбекской ССР показывают, что потребность в специалистах высока, а темпы подготовки их еще остаются низкими. Необходимо резко увеличить подготовку специалистов для села в вузах и техникумах из числа практиков без отрыва от производства.

На наш взгляд, целесообразно открывать учебные филиалы всех сельхозвузов и сельхозтехникумов непосредственно в сельских местностях. От этого выиграют и сельское хозяйство, и учебные заведения. Тогда можно будет шире привлекать сельских труженников и на вечерние отделения вузов и техникумов.

Все это будет способствовать дальнейшему росту образовательного, профессионального и культурно-технического уровня сельского населения, лучшему обеспечению колхозов и совхозов высококвалифицированными специалистами различного профиля, как это и предусматривается решениями XXV съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

К. Эргашев

¹⁸ «Саодат», 1978, № 12, с. 5.

¹⁹ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1978, № 8, с. 15.

²⁰ См. «Бюллетень ЦСУ УзССР. Основные показатели развития народного образования и подготовки кадров вузами и техникумами в 1970, 1971, 1975 гг.», с. 29, 34.

²¹ «Сельская правда», 1978 г., 21 января.

ИЗ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В УЗБЕКИСТАНЕ (1928—1932)

Коммунистическая партия накопила богатый опыт подготовки и марксистско-ленинского воспитания кадров. Уже в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции подготовка партийно-советских работников получила широкий размах. Это было обусловлено самим характером социалистической революции как глубочайшего переворота в судьбах народов, а «чем глубже переворот, —

учил В. И. Ленин, — тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма аппаратом социализма¹.

По инициативе и под руководством В. И. Ленина VIII—XI съезды РКП(б) принимали решения, направленные на создание и совершенствование системы партийных учебных заведений, укрепление связи партийной учебы с жизнью².

Вопросы партийно-политического образования коммунистов неоднократно рассматривались и последующими съездами партии. Например, на XII съезде РКП(б) было уделено особое внимание подготовке кадров из местных национальностей. Съезд признал необходимым «расширить университет народов Востока и его отделения на местах»³.

Руководствуясь решениями XII съезда партии и IV совещания ЦК РКП(б) по национальному вопросу, ЦК КПТ в 1923 г. принял решение о преобразовании Туркестанского Коммунистического университета в Среднеазиатский Коммунистический университет (САКУ) с двумя курсами — основным и подготовительным. Основной курс имел четыре сектора: узбекский, киргизский, татаро-уйгурский и русский, а подготовительный — семь: узбекский, киргизский, туркменский, таджикский, русский, татаро-уйгурский и тюркский (смешанный)⁴.

С 1928 г. в связи с возросшими задачами социалистического строительства длительность обучения на основном отделении САКУ была увеличена с трех до четырех лет⁵. Срок обучения на подготовительном отделении составлял один год.

В составе слушателей университета были представители всех национальностей среднеазиатских республик. Из общего числа мест по разверстке не менее 20% отводилось женщинам и не менее 25% — представителям национальных меньшинств.

Учебный план был рассчитан на 2592 часа с ежедневной двухчасовой нагрузкой⁶. На изучение общественных наук отводилось 936 часов, на общеобразовательные предметы и естественные науки — 504, на изучение языков — также 504 часа⁷.

Программой предусматривалась специализация слушателей по партийной, профсоюзной, административной работе, а также по вопросам конкретной экономики.

Партийно-советский актив должен был глубоко разбираться как в теории марксизма-ленинизма, так и в конкретных вопросах экономической политики партии и Советского государства. Поэтому значительное место в общественно-политическом курсе занимали исторический материализм (78 часов), политэкономию (108 часов), история партии (108 часов) и экономическая политика (144 часа)⁸.

В 1928 г. в Среднеазиатском Коммунистическом университете им. В. И. Ленина обучалось 230 человек, из них 175 — на основном и 55 — на подготовительном отделениях⁹. Между тем потребности среднеазиатских республик в квалифицированных национальных кадрах партийных, советских, профсоюзных, административных работников непрерывно росли. Ощущался острый недостаток и в кадрах расширявшейся сети партийного просвещения. В связи с этим с осени 1928 г. при САКУ начало работать вечернее отделение, призванное в первую очередь готовить партийно-пропагандистских работников для среднего и высшего звеньев сети партийного просвещения.

В 1929 г. в вечернем комвузе обучалось 393 человека.

Были созданы также филиалы вечернего отделения САКУ в Ташкенте (на Красновосточном заводе, заводе им. Ильича, «Сельмаш») и Самарканде (на фабрике «Худжум» и в Железнодорожном районе)¹⁰. Например, на заводе им. Ильича к концу 1929 г. в вечернем комвузе — филиале САКУ обучалось 75 человек¹¹.

В 1932 г. в вечернем комвузе САКУ обучалось 682 человека¹², из них 512 членов и кандидатов партии и 170 комсомольцев; 87,3% составляли лица коренных национальностей¹³.

С этого же года была организована новая форма теоретической подготовки партийного актива — заочное обучение. При этом парторганизации республики руководствовались постановлением ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1929 г. «О системе теоретиче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 146.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970, с. 75, 174, 245—246, 363—364.

³ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968, с. 697.

⁴ Раджабов Д., Зиямов Ш. Важное звено партийной работы. Ташкент, 1978, с. 41.

⁵ Там же, с. 58.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 103, оп. 1, д. 921, л. 19.

⁷ Там же, оп. 1, д. 922, л. 8.

⁸ Там же, д. 1014, л. 8.

⁹ Там же, д. 1022, л. 18.

¹⁰ Там же, ф. 58, оп. 6, д. 696, л. 8.

¹¹ Партархив Ташкентского ОК КПУз, ф. 88, оп. 1, д. 29, л. 24.

¹² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 9, д. 856, л. 19.

¹³ Там же, ф. 103, оп. 1, д. 1146, л. 13.

ской переподготовки партийного и комсомольского актива». В постановлении подчеркивалось, что систематическая самостоятельная работа над повышением своего теоретического уровня — важнейшая обязанность всего партийного актива, особенно каждого коммуниста, ведущего руководящую работу¹⁴.

Руководство заочным обучением партийного и комсомольского актива в республиках Средней Азии было сосредоточено в САКУ, где имелся заочный сектор (заочный коммунистический университет). Переподготовка партактива велась и на заочных курсах переподготовки (ЗПП).

Заочное обучение давало партийному и комсомольскому активу возможность повысить уровень своих теоретических знаний без отрыва от производства и общественной работы. Оно велось на основе самостоятельных занятий по заданиям и методическим указаниям, публиковавшимся в журнале «Заочный коммунист», который выходил на русском и узбекском языках. Консультация обучающихся осуществлялась путем переписки, а правильность усвоения самостоятельно прорабатываемого материала определялась в ходе рецензирования контрольных письменных работ заочников.

Обучение проводилось по полной программе заочного Коммунистического университета (ЗКУ), рассчитанной на трехгодичный срок и включавшей следующие общественные дисциплины: история ВКП(б), история Востока, история развития общественных формаций, политическая экономия, экономическая политика СССР, экономическая география, программа и тактика Коминтерна, диалектический материализм и основы естествознания и т. д.¹⁵

В 1930 г. на узбекском отделении ЗКУ учились 218, на русском — 514 человек¹⁶.

Деятельность САКУ была весьма многообразной. Помимо постоянных отделений, при университете существовала целая система курсов, готовивших партийных работников различного профиля. В январе 1930 г. бюро университетской ячейки КП(б)Уз обсудило вопрос о создании при САКУ одногодичных курсов для подготовки из низового женского актива заведующих и инструкторов районных женотделов. Было решено считать курсы постоянно действующими и с февраля приступить к их комплектованию¹⁷.

При САКУ действовали также курсы колхозно-совхозных пропагандистов и курсы для руководителей школ и кружков высших звеньев сети партпроса¹⁸. К ноябрю 1930 г. первые из этих курсов окончили 55, вторые — 32 человека¹⁹. Вновь подготовленные кадры колхозно-совхозных пропагандистов активно содействовали сельским парторганизациям в социалистическом преобразовании кишлака, перевооснащении широких масс трудового дехканства.

Потребность в пропагандистских кадрах была настолько острой, что САКУ приходилось направлять в кишлаки для руководства школами и кружками партпросвещения своих слушателей, еще не закончивших курс обучения. Так, к 15 ноября 1930 г. на работу в кишлаки Узбекистана было направлено 42 студента-пропагандиста, в том числе 32 коммуниста²⁰.

28 ноября 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О подготовке и переподготовке партийных кадров»²¹. Исходя из необходимости улучшения качества партийного руководства и форсирования подготовки национальных кадров, было решено, в частности, организовать при САКУ постоянно действующие 4-месячные курсы переподготовки районных партийных работников, 6-месячные курсы по подготовке секретарей ячеек совхозов и МТС и секретарей производственных ячеек, 6-месячные курсы подготовки секретарей колхозных, кишлачных (аульных) партячеек из местного партактива. В целом по Узбекистану эти курсы должны были пройти 400 человек.

Важный вклад в подготовку партийных кадров республики внес и работавший в Самарканде Узбекский Коммунистический университет (УзКУ), образованный по решению ЦК КП(б)Уз в 1930 г. на базе Центральной партшколы²². УзКУ являлся республиканской партийной школой, ставившей своей основной задачей подготовку квалифицированных руководящих работников, научных кадров, преподавателей общественно-политических дисциплин для высших и средних звеньев партпросвещения, а также центром подготовки партийного актива.

В УзКУ имелось четыре главных сектора: основной, вечерний, заочный и сектор курсовой переподготовки партактива. Основной и вечерний сектора имели отделения,

¹⁴ «Партработник», 1930, № 4, с. 29.

¹⁵ ПА УзФИМЛ, ф. 103, оп. 1, д. 1134, л. 11.

¹⁶ Раджабов Д., Зиямов Ш. Указ. соч., с. 61.

¹⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 103, оп. 1, д. 1040, л. 27.

¹⁸ Там же, д. 1492, л. 32.

¹⁹ Там же, л. 43.

²⁰ Там же, д. 1480, л. 21.

²¹ КПСС и Советское правительство об Узбекистане. Сборник документов (1925—1970). Ташкент, 1972, с. 98.

²² Гентшке Л. В. Компартия и рабочий класс Узбекистана в борьбе за социализм. Ташкент, 1973, с. 98.

циклы, специальности и различного вида курсы; сектор заочного обучения готовил партийных, комсомольских, советских активистов²³.

Отделение партстроительства было призвано готовить руководящие кадры для партработы в кишлаках, колхозах, совхозах, районах, на крупных фабрично-заводских предприятиях.

Отделение советского строительства готовило кадры для руководящей работы в советском аппарате — райисполкомах, крупных кишлачных Советах.

Перед пропагандистским отделением стояла задача готовить преподавателей и пропагандистов по общественно-политическим дисциплинам для средних звеньев партпросвещения (совпартшколы, предметные марксистско-ленинские кружки) и т. п.

Кроме того, при УзКУ имелись курсы женработников и курсы колхозных работников²⁴.

К началу 1931 учебного года в УзКУ обучалось 1348 человек²⁵, а к концу 1932 г. — 2865 человек²⁶, из них 1348 окончили пропагандистское отделение и 1517 — отделение партийных кадров. 98,7% слушателей составляли коммунисты из коренных национальностей²⁷.

Коллективизация сельского хозяйства вызвала необходимость во всемерном расширении подготовки кадров для деревни. Чтобы ускорить подготовку кадров для руководства сельским хозяйством, ЦК ВКП(б) в ноябре 1932 г. признал необходимым преобразовать Среднеазиатский и Узбекский коммунистические университеты в Среднеазиатскую и Узбекскую высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (СредазВКСХШ и УзВКСХШ)²⁸.

В каждой из них предусматривалось создание двух отделений: двухгодичного для подготовки руководящих кадров МТС, совхозов и колхозов и трехгодичного — для районных партийных и советских работников. Кроме того, в СредазВКСХШ на базе газетного отделения САКУ были созданы двухгодичные курсы для подготовки работников районных газет. На базе отделения комсомольских работников УзКУ при УзВКСХШ были открыты годичные курсы по подготовке комсомольских кадров для МТС, совхозов и колхозов.

Заочные отделения обоих комвузов были реорганизованы в местные филиалы Института массового заочного обучения (ИМЗО)²⁹.

Все это способствовало дальнейшему совершенствованию и расширению подготовки и переподготовки партийно-советских кадров, прежде всего из местных национальностей, активно включавшихся во все сферы социалистического строительства в Узбекистане.

Т. Зияутдинходжиева

²³ ПА УзФИМЛ, ф. 857, оп. 1, д. 8, л. 9.

²⁴ Там же, д. 14, л. 11.

²⁵ Там же, д. 15, л. 52.

²⁶ Там же, д. 16, л. 71.

²⁷ Там же, л. 70, 73.

²⁸ Раджабов Д., Зиямов Ш. Указ. соч., с. 69.

²⁹ Гентшке Л. В. Указ. соч., с. 100.

О ВЛИЯНИИ ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ НА УЗБЕКСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В нынешнем году исполнилось 170 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, чьи бессмертные произведения близки и дороги всем народам нашей страны. Знакомство узбекского народа с произведениями Н. В. Гоголя начинается с истории русского театра в Туркестане, т. е. со второй половины XIX в. Русские труппы здесь довольно часто ставили пьесы Гоголя. Наиболее популярной была комедия «Ревизор».

В 1902 г. в «Туркистон вилоятининг газети» была напечатана статья «Празднование памяти Н. В. Гоголя», посвященная 50-летию со дня смерти писателя. В ней говорилось о значении творчества Н. В. Гоголя и давалась характеристика основных его произведений.

В 1911 г. известный поэт-просветитель Саидахмед Сиддики перевел на узбекский язык рассказ Н. В. Гоголя «Шинель».

Поклонниками сатирического таланта Н. В. Гоголя становятся Хамза Хаким-заде Ниязи, Абдулла Кадыри, Абдулла Каххар, Саид Ахмад и многие другие узбекские писатели.

Говоря о традициях Гоголя в узбекской советской литературе, следует первым назвать имя Абдуллы Кадыри. Идеино-эстетические взгляды основоположника узбекской реалистической прозы оформились, конечно, на почве узбекской действительности,

но русская реалистическая школа, безусловно, помогла ему определить свой путь в родной литературе.

Некоторые произведения А. Кадыри, на наш взгляд, явственно продолжают традиции Гоголя. Например, рассказ А. Кадыри «Праздник джинов» («Жинлар базми») по своей художественной манере напоминает романтические произведения Гоголя. Здесь, как и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», мы видим переплетение реальности, фантастики и сатирического гротеска.

В 1952 г. газета «Еш леничи» в передовой статье «Великий поэт великого народа», посвященной 100-летию со дня смерти Гоголя, писала: «В нашей стране за последние тридцать лет произведения Гоголя изданы более чем на 35 национальных языках более чем 18-миллионным тиражом».

Переводы произведений Н. В. Гоголя стали для узбекских писателей подлинной школой мастерства. Так, в 1935 г. Абдулла Кадыри перевел на узбекский язык пьесу Гоголя «Женитьба». Перед переводчиком стояли большие задачи: надо было передать наряду с правдивостью изображения живость, естественность, сочность языка и удивительную силу смеха комедии Гоголя. Абдулла Кадыри успешно справился с этой задачей. Ценность его перевода заключается в бережном сохранении мыслей и идей Гоголя, в серьезной, поистине творческой работе над оригиналом, максимальном сохранении и донесении до читателя гоголевской манеры изложения. Для этого надо было хорошо знать творчество великого писателя, глубоко изучить его особенности.

Наиболее удачные переводы произведений Гоголя на узбекский язык принадлежат Абдулле Каххару. Он перевел комедии «Женитьба», «Ревизор», повесть «Тарас Бульба», мастерски передав юмор, сарказм гоголевских произведений. В своих переводах А. Каххар творчески использует своеобразие произведений Гоголя, старается фактов, деталей, учится у великого классика изображению жизненной правды.

Следует отметить, что сатирические традиции Гоголя А. Каххар начал изучать еще в 20-е годы. В статье «Мой первый учитель» писатель отмечал, что первые уроки мастерства он получил у Гоголя. Однажды друг принес ему небольшую книжку «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Она стала для А. Каххара настоящим открытием. «Эта книга,— писал он,— стала для меня, с одной стороны, учебником для изучения русского языка, с другой,— она ввела меня в литературу, в которой звучали голоса не книжных, а живых людей, во всей полноте был виден их облик, как в зеркале, отражался весь их внутренний мир»¹.

Творчески развивая традиции Гоголя, А. Каххар выработал и применил качественно новые приемы сатирического изображения, методы подхода к объекту сатиры. У советского сатирика — свой идеал, своя позиция, определяемая принципами социалистического реализма. И вместе с тем краткая и меткая характеристика, сочные краски, подлинно народный язык, смех, заставляющий задуматься.— все это говорит о творческом развитии традиций Гоголя.

В рассказах Абдуллы Каххара «Девушки» и «Джанфиган» примечательно начала: «Пусть и скажет какой-нибудь беспристрастный человек: «Отыщешь ли во всем Узбекистане другого такого парня, как Нурматжан? ...Вы только взгляните на него: право, тысячу раз пожалеешь, что у него две руки. А без одной руки фигура у него была бы ни дать ни взять — кальян для курения». Или: «Вы, может быть, знаете Джанфигана. Ну, тот самый, помните, все приставал к прохожим, просил посоветовать, о какую бы стену ему разбить голову».

Это — чисто гоголевский прием.

С любовью изучая творчество Н. В. Гоголя, А. Каххар освоил не только его сатирическое наследие, но и героические традиции. Известно, что романтическое в произведениях Гоголя является неотъемлемой частью его художественного метода. Индивидуальный, неповторимо оригинальный стиль — синтез сатиры и лирики, глубокий реализм и взволнованная, высокая и благородная, активная в своей сущности романтика — вот принципы творчества Гоголя.

Свою повесть «Тарас Бульба» Гоголь написал в романтических традициях. В ней автор поэтизирует славную историю своего народа. Для нас Тарас Бульба — не только богатырская натура, но искренний, непосредственный человек, обладающий чувством юмора, надежный друг, горячий патриот своей родины, своего народа.

А. Каххар в статье, посвященной памяти Гоголя, писал, что на создание образа Асроркула его вдохновил бессмертный образ Тараса Бульбы.

Гоголевского Тараса Бульбу напоминает и образ Икрамджана из романа Саида Ахмада «Горизонт». Это характер оригинальный и самобытный. Икрамджан принципиален, по-человечески мудр. Писатель раскрывает перед нами трагедию сильной личности. У Икрамджана, как и у Тараса Бульбы, сын оказался предателем. Однако Саид Ахмад не повторяет Гоголя. Подобно тому, как один реальный прототип может породить много художественных типов, так классический образ Тараса Бульбы помог Саиду Ахмаду создать колоритный, национальный образ Икрамджана.

¹ Қаҳҳор А. Асарлар. Олти томлик. 6-том. Тошкент, 1970, с. 265.

В романе Саида Ахмада «Горизонт» мы находим и весьма близкого «родственника» гоголевского Плюшкина — старика Иноята, прозванного за свою алчность «Иноят-джиноят» (преступление). В его образе Саид Ахмад вскрыл всю ничтожность, никчемность, бессмысленность накопительства. Это действительно «прореха на человечестве».

Образы Икрамджана и Иноята созданы под непосредственным влиянием художественной манеры Гоголя. Саид Ахмад как бы проникает в «лабораторию мысли» Гоголя, старается познать и творчески освоить его литературные традиции.

Таких примеров можно привести немало. Они свидетельствуют о широком и многогранном влиянии бессмертного наследия Н. В. Гоголя на творчество писателей Советского Узбекистана.

М. Бегжанова

КЛАССИФИКАЦИЯ НУКЛЕУСОВ ИЗ МУСТЬЕРСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК

Многослойная палеолитическая стоянка открытого типа Кульбулак — один из эталонных археологических памятников Узбекистана. Открытая О. М. Ростовцевым в 1962 г., она уже более 10 лет исследуется М. Р. Касымовым.

Кульбулак содержит культурные напластования от позднего ашеля до верхнего палеолита. Для изготовления орудий здесь употреблялись кремль, кремнистый сланец, кремнистый известняк, кварц, кварцит, песчаник и др. Эти многочисленные и разнообразные каменные изделия принадлежат к трем разновременным эпохам: позднеашельской (X—IX слою), мустьерской (VIII—IV) и верхнепалеолитической (III—I) (по определению М. Р. Касимова)¹.

Для обоснования допустимого возраста найденных материалов пока явно недостаточно. Мустьерский же период представлен наиболее широко — более чем 12 тыс. каменных изделий.

В нижних мустьерских слоях (VIII—VI) основными заготовками служили отщепы (грубые овальные и треугольные), пластины (грубые укороченные); есть и бессистемные сколы. Для верхних слоев (V—IV) характерны не только мустьерские заготовки, но и тонкие призматические пластины, хорошо оформленные концевые скребки, остроконечники и орудия зубчато-выемчатой формы.

В коллекции из мустьерских слоев представлен 1501 нуклеус. Здесь мы попытаемся дать их классификацию в технико-типологическом аспекте.

В VIII—VI слоях нуклеусы сработаны по-разному. В основном сняты один, два или несколько сколов, сработанных, однако, очень мало. В незначительном количестве встречаются грубые и атипичные нуклеусы. Кроме того, найдены нуклеидные куски желвака, обломки и осколки нуклеусов.

В V—IV горизонтах нуклеусы сработаны более ярко; в основном представлены призматические формы и леваллуазские.

Собранные нами сколы делятся на отщепы (овальные, округлые и бесформенные) и пластины (удлиненные и укороченные), а также сколы, снятые с края желвака. Реже встречаются грубые отщепы и пластины.

Характерно, что в Кульбулаке сколов леваллуа в процентном отношении меньше, чем леваллуазских нуклеусов.

Нами были выделены в основном три различных принципа раскалывания²: дисковидное, леваллуазское и параллельно-призматическое. Особую группу составляли нуклеусы относительно бессистемного раскалывания, встречаемые в виде кусков желвака.

I. Дисквидная техника раскалывания восходит к технике нижнего палеолита и предполагает одностороннюю оббивку по периметру. В нижних слоях Кульбулака встречается большинство изделий, изготовленных из сравнительно толстых отщепов и укороченные пластины, отколовшиеся от дисквидного и многоплощадочного нуклеусов.

Дисквидная техника расщепления в Кульбулаке дает разнородные по морфологическим признакам формы. В основном отделении сколов от нуклеусов производилась от краев к центру, т. е. в радиально-конвергентном направлении.

По технике обработки дисквидные нуклеусы можно подразделить на два основных типа:

¹ Касымов М. Р. Памятники каменного века в долине Анграна. — «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 2; его же. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. (Предварительные итоги исследования). — МИА, № 185, Л., 1972.

² См.: Гладиллин В. Н. К вопросу о технике леваллуа. — В сб. «Проблемы палеолита», Л., 1977, с. 29—34; Сулейманов Р. Х. О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат. — КСИА, вып. 114, М., 1968.

1. Дискovidные:

а) односторонние сработанные, овальные, округлые и подтреугольные;

б) двухсторонние, сработанные, овальные и округлые.

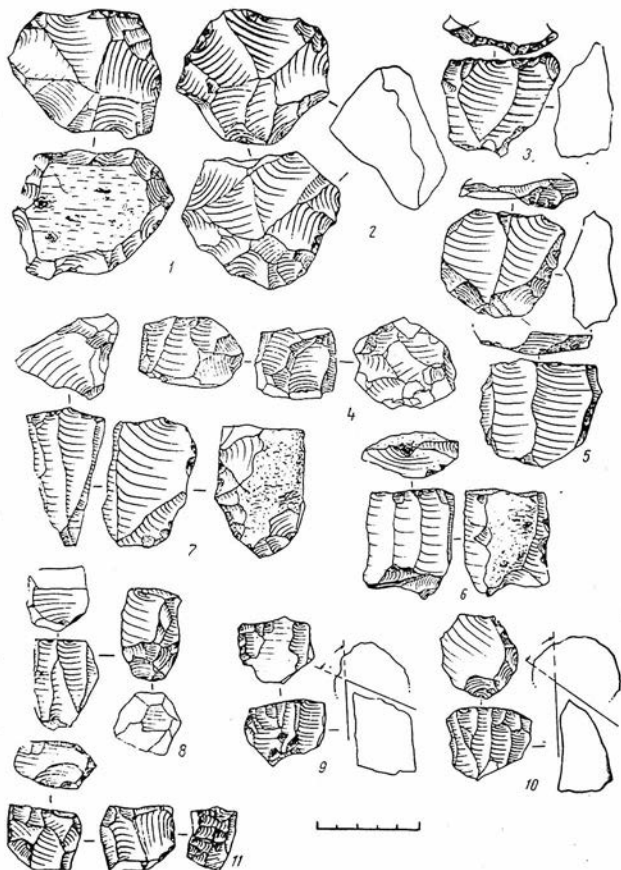

Рис. 1. Формы нуклеусов из мустьерских слоев стоянки Кульбулак.

2. Многоплощадочные:

а) шаровидные (округлые);

б) ортогональные (подкубические).

1. Дискovidные нуклеусы (рис. 1, 12). Среди них есть ядрища, одна сторона которых сработана, а другая лишь подправлялась по краю мелкой отбивкой

(для создания ударных площадок) и сохраняла желвачную корку или естественную поверхность.

Некоторые дисковидные двухсторонние ядрища имеют с одной поверхности негативы окол, направленные параллельно, а с другой — идущие от края к центру.

Встречаются и треугольные односторонние сработанные нуклеусы.

Обнаружены некоторые формы ядрищ, имеющие признаки леваллуазской техники раскалывания и переходные к дисковидным.

2. Многоплощадочные нуклеусы (рис. 1, 4). Для них характерно, что сколы велись в радиальном и в бессистемном направлении. Шаровидные нуклеусы по некоторым техническим признакам близки к дисковидным. А на ортогональных негативы фасеток продолжены по всему периметру и крупных устойчивых площадок нет.

Таким образом, анализ технической разработки дисковидных и близких к дисковидным нуклеусов в мустьерских горизонтах Кульбулака позволяет проследить развитие разных форм ядрищ от мустье вплоть до перехода к верхнему палеолиту.

II. Леваллуазская техника расщепления представлена в мустьерских слоях Кульбулака сравнительно более укороченными и широкими заготовками. Характерная заготовка ядрищ с мелкой обшивкой поверхности по всему периметру от подготовленной площадки. Путем удара откалывались пластина или отщеп.

К леваллуазской группе относятся одноплощадочные и двухплощадочные ядрища, которые могут иметь и четырехугольные очертания, а иногда близки к овальным.

1. Одноплощадочные леваллуазские нуклеусы (рис. 1, 3). Основной их морфологический признак — наличие одной ударной площадки, от которой шло расщепление заготовок. Нуклеусы Кульбулака обрабатывались с одной, а частично — с обеих сторон, с единой площадки. У некоторых экземпляров на спинках сохранились желвачные корки.

2. Двухплощадочные леваллуазские нуклеусы (рис. 1, 5). В основном они имеют площадки на двух противоположных концах, где сколы снимались с одной плоскости или частично с двух. Количество леваллуазских нуклеусов на Кульбулаке увеличивается от нижнего горизонта к верхнему с 15 до 31%.

Преобладают леваллуазские нуклеусы с негативами сколов в горизонтальном направлении, на краях которых сохранилась мелкая подправка.

Сколы, снятые с леваллуазских нуклеусов, имеют гладкую, двухгранную и многогранную ударные площадки.

III. Параллельно-призматическая техника расщепления в мустьерских слоях Кульбулака применялась в двух целях: для получения отщепов (удлиненных) и пластин.

В коллекции представлены нуклеусы протопризматические и призматические, приспособленные для снятия сколов с параллельной отгранкой спинки и параллельными гранями (рис. 1, 6—8). Принципиальной разницы между ними нет. Различия прослеживаются лишь в том, что с протопризматических нуклеусов снимались грубые крупные удлиненные отщепы и пластины. Снятие сколов велось в параллельном направлении, а нуклеусы имеют на рабочей стороне плоскость, но в некоторых случаях близки к грубым призматическим формам. У призматических нуклеусов пластины получаются более тонкие и удлиненные.

В нижних (VIII—VI) слоях выявлены преимущественно протопризматические нуклеусы, реже — призматические, в верхних (V—IV) — призматические. По этому признаку индустрия IV культурного слоя Кульбулака приближается к верхнему палеолиту.

Наиболее часто встречаются ядрища одно- и двухплощадочные, имеющие треугольные и четырехугольные очертания. Среди нуклеусов из мустьерских горизонтов Кульбулака можно различить: 1) протопризматические: а) одноплощадочные, б) двухплощадочные; 2) призматические: а) одноплощадочные, б) двухплощадочные, в) клиновидные (торцовые) и нуклеусы высокой формы. Последние морфологически и по форме напоминают высокий скребок.

С одноплощадочных нуклеусов снятие сколов производилось с одной площадки, в одном направлении, как с одной, так и с обеих сторон.

На двухплощадочных нуклеусах ударные площадки расположены на противоположных концах ядрищ, а в некоторых случаях — под углом друг к другу.

Кроме перечисленных, на Кульбулаке найдены торцовые нуклеусы, которые в некоторых случаях имеют клиновидную форму и круговое скалывание у плоской ударной площадки. Встречаются нуклеусы высокой формы с широкой плоской ударной площадкой. Они служили для снятия тонких удлиненных и мелких пластин. Угол между ударной площадкой и плоскостью раскалывания постепенно изменяется по горизонтали (рис. 1, 9, 10).

В нижних горизонтах угол у ядрища достигает 40—45°, что отмечено нами как начальная стадия скалывания (мустье), а в более поздних (IV) слоях угол этот составляет 25—30°, что свидетельствует о более развитой стадии скалывания, характерной для позднего палеолита.

IV. Бессистемное расщепление. Среди каменных изделий Кульбулака встречено значительное количество нуклеусов с бессистемным скалыванием (рис. 1, 11). Негативы сколов в данном случае более мелкие и бесформенные. Реже встречаются грубые формы сколов.

Эти нуклеусы можно подразделить на две основные группы: а) бессистемные, овальные, округлые и трудноописуемые; б) случайные (овальные и иной формы).

Для этой техники раскалывания камня характерна некоторая небрежность, которая прослеживается как в ядрищах, так и в характере сколов. Как правило, ударные площадки нуклеусов не устойчивы, а сколы имеют неровные края, некоторые из них сохранили следы корки на спинке. В верхних горизонтах мутье нуклеусов бессистемного раскалывания в процентном отношении намного меньше, чем в нижних. Кроме того, найдено 78 экз. нуклевидных кусков и каменных поделок на нуклеусах.

Среди материалов представлено значительное количество скобящих изделий, орудий, изготовленных на треугольных сколах, и орудий выемчато-зубчатых форм. В большом количестве встречаются орудия, изготовленные на грубых сколах, частично с остатками желвачной корки на спинке, которые считаются отщепами. Среди заготовок есть леваллуазские треугольные отщепы и пластины. Кроме того, имеется некоторое количество мелких обломков и сколов.

В мутьерских слоях Кульбулака собрано 135 сколов леваллуа (2,04%) — леваллуазские заготовки, не подвергшиеся намеренной вторичной обработке, т. е. не трансформированные в орудия. Среди орудий имеются 216 экз. ретушированных сколов леваллуа (3,2%). Есть треугольные формы остроконечников, пластины с ретушью, скобящие орудия, а также фрагментированные сколы.

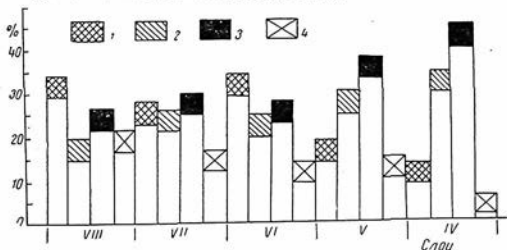

Рис. 2. Количественное соотношение нуклеусов из мутьерских слоев стоянки Кульбулак по технике расщепления. Условные обозначения: 1 — дисковидная техника расщепления, 2 — леваллуазская, 3 — пластинчатая и призматическая, 4 — бессистемное и случайное расщепление.

Итак, в мутьерских слоях Кульбулака выявлены каменные изделия, подразделяемые по технике раскалывания на четыре типа: дисковидный, леваллуазский, параллельно-призматический и бессистемного расщепления (рис. 2). Надо сказать, что некоторые нуклеусы во время раскалывания переходили из одного типа в другой.

Рассмотренные типы нуклеусов в некоторых случаях связаны морфологически. Например, дисковидные двухсторонние ядрища морфологически близки двухплощадочным леваллуазским. Одно- или двухплощадочные леваллуазские нуклеусы в некоторых случаях имеют сходство с нуклеусами параллельного раскалывания.

Результаты классификации позволяют считать IV слой (верхний горизонт) Кульбулака завершающим периодом в переходе от мутье к верхнему палеолиту.

Т. Оманжулов

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПОБЕДА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ
В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, в корне изменившая исторические судьбы народов нашей страны, ход всего мирового развития, положила начало новой эпохе — эпохе перехода человечества от капитализма к социализму. С тех пор прошло свыше 60 лет, но и сейчас история Великого Октября продолжает оставаться в центре острой идеологической и политической борьбы на международной арене между двумя противоположными социально-экономическими системами.

Современные буржуазные историки, философы, социологи, экономисты, политологи, выполняя социальный заказ наиболее реакционных кругов империалистических держав, продолжают публиковать огромное количество работ, дающих намеренно искаженную картину истории Великого Октября. Поэтому важнейшая задача общественных наук состоит в том, чтобы «засты систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику современной буржуазной философии, социологии, историографии...; разоблачать фальсификаторов идей марксизма-ленинизма, истории развития общества, коммунистического и рабочего движения»¹.

Во многих важнейших партийных документах последних лет указывается на необходимость давать своевременный и решительный отпор идеологическим диверсиям империализма, вести систематическую, аргументированную критику буржуазной идеологии, в том числе современной буржуазной историографии. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркивает, что «проблема идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план, а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе»².

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» внимание общественников вновь акцентируется на необходимости разоблачения происков наших идеологических противников, их злобной клеветы на историю и реальные достижения социализма³.

Немаловажное значение имеет правдивое воссоздание истории Великой Октябрьской социалистической революции в национальных районах страны, в том числе в Средней Азии, ибо этот вопрос пользуется особым «вниманием» буржуазных авторов. Ведь многочисленные народы Азии и Африки, лишь недавно сбросившие с себя цепи колониального рабства и вставшие на путь самостоятельного исторического творчества, обращаются за опытом именно к истории народов Советского Востока, поскольку колониальное прошлое Средней Азии имеет много общего со вчерашним днем молодых национальных государств Азии и Африки. Неудивительно поэтому, что идеологи антикоммунизма пытаются опорочить опыт перехода народов Советского Востока к социализму и прежде всего извратить историю Октябрьской революции в Средней Азии.

Среди буржуазных советологов, занимающихся этой проблемой, есть и французские историки, работы которых широко распространены во всем западном мире. Однако французская буржуазная историография данного вопроса, в отличие от американской, английской и западногерманской, не стала еще объектом детального изучения советскими историками⁴. Учитывая это, мы и попытаемся здесь критически

¹ Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». — КПСС в резолюциях и решениях съездов..., т. 9, М., 1972, с. 351.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10.

³ «Правда», 1979 г., 6 мая.

⁴ Лишь отчасти этот вопрос затронут в монографиях: Новоселов К. И. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Ташкент, 1975.

рассмотреть основные концепции Октябрьской революции в Средней Азии в трактовке некоторых современных французских буржуазных авторов.

Уже в начале 20-х годов на Западе прозвучал призыв, обращенный ко всем буржуазным идеологам: «... Предостерегая народы Востока, рассказывать им, к чему может привести Советская власть на примере трагической ситуации, в которую попали мусульмане «автономных республик», находящиеся под господством большевиков»⁵. Эти слова принадлежали ведущему во Франции «специалисту» по Средней Азии Ж. Кастанье. Последующие поколения французских буржуазных историков добросовестно проводили в жизнь этот призыв.

Современные французские советологи остались верны традициям своих предшественников. Конечно, в соответствии с духом времени они придали своим работам наукообразный характер: расширили круг источников, отбросили резкие выражения и эпитеты, устранили явно абсурдные и нелепые аргументы. Однако суть их «исследований» осталась прежней; старые концепции перепеваются на новый лад.

Главная мысль французских буржуазных авторов 20—50-х годов заключалась в том, что социалистическая революция была «абсолютно чужда» народам Средней Азии; изображаемая в виде «большевистского путча» в Ташкенте, она была якобы совершена русскими вопреки желанию коренного населения»⁶.

Современные французские советологи, безоговорочно восприняв эту концепцию, пытаются дать ей более глубокое «обоснование». Так, если раньше французские буржуазные авторы просто закрывали глаза на то совершенно бесспорное и весьма значительное обстоятельство, что к 1917 г. в Средней Азии, несмотря на ее отсталость по сравнению с Центральной Россией, уже сложились определенные объективные предпосылки социалистической революции, то современные французские советологи решили все же уделить некоторое «внимание» этому вопросу. При этом они вовсе отрицают наличие «классовой структуры и классовой борьбы» у народов Средней Азии, голословно утверждая, что об этом «фактически нет свидетельств»⁷. По их мнению, «в то время (т. е. в предреволюционный период. — А. А.) мусульманское общество России сохраняло в целом общественные нормы патриархального плана»⁸.

Совершенно очевидно, что явное игнорирование французскими советологами наличия в Средней Азии объективных предпосылок социалистической революции направлено прежде всего на то, чтобы открыть неограниченный простор для всяческих измышлений в адрес этой революции, ее характера, движущих сил, целей ее участников.

Так, один из ведущих во Франции «специалистов» по советской истории Э. Каррер д'Анкосс в книге «Реформа и революция у мусульман Российской империи» утверждает, якобы Октябрьская революция в Туркестане была «русской революцией»⁹, что «туземцы были окончательно исключены из этой революции и оставались лишь немymi свидетелями, и это вполне соответствовало глубокой противоположности интересов, разделявшей две общины, которые обитали в Средней Азии»¹⁰.

В другой своей книге «Марксизм и Азия» автор заявляет, будто коренное население Средней Азии сохраняло нейтралитет в развернувшейся в октябрьские дни борьбе только вследствие «неспособности Временного правительства удовлетворить его чаяния и надежды»¹¹.

К аналогичным «выводам» приходят и другие французские советологи — А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеж. «Революция была занятием исключительно русских, — заявляют они. — Мусульманские национальные организации оставались нейтральными свидетелями, равнодушными к делу большевиков»¹². Как и д'Анкосс, они считают, что массы местного населения не отнеслись поначалу к Октябрьской революции враждебно лишь «из-за их недоверия, если не из-за ненависти к Временному правительству»¹³.

⁵ Castagné J. Les organisations soviétiques de la Russie Musulmane. — Revue du monde musulman, vol. LI, Paris, Octobre, 1922, p. 44.

⁶ Castagné J. Op. cit.; Castagné J. Le Turkestan depuis la Révolution Russe (1917—1921). Paris, 1922; Monteil V. Essai sur l'Islam en URSS. — Revue des Etudes Islamiques, Paris, 1952; Monteil V. Les Musulmans Soviétiques. Paris, 1957; Le Colonialism Soviétique. Un exemple en Asie Centrale. Etudes et documents. Paris, 1956; De Romainville F. L'Islam et l'URSS. Paris, 1947.

⁷ Bennigsen A. and Lemerrier-Quellejay Ch. Islam in the Soviet Union, London, 1967, p. 19.

⁸ Bennigsen A. La famille musulmane en Union Soviétique. — Cahiers du Monde Russe et Soviétique, 1959, № 1, p. 83.

⁹ Carrere d'Encausse H. Reforme et révolution chez les musulmans de l'Empire Russe. Bukhara 1867—1924. Paris, 1966, p. 225.

¹⁰ Ibid., p. 226.

¹¹ Carrere d'Encausse H. and Schram S. Marxism and Asia. London, 1969, p. 32.

¹² Bennigsen A. and Lemerrier-Quellejay Ch. Op. cit., p. 81.

¹³ Ibid.

Не отличается новизной и версия другого автора — М. Тугучи. «Большевизм был специфически русским движением», — пишет он в одной из своих статей. И далее: «Идеи большевиков и принципы Советской власти не находили поддержки со стороны «инородческих народов», и последние так или иначе противостояли принципу диктатуры»¹⁴.

Таким образом, современные французские буржуазные советологи в целом единодушны в своих оценках Октябрьской революции в Средней Азии. Вполне закономерно, что в пользу своей версии они не в состоянии привести ни одного мало-мальски убедительного факта. Единственное обстоятельство, которое, по мнению этих авторов, якобы доказывает их правоту, заключается в том, что мусульманские организации не выступили вместе с большевиками в октябрьские дни. Однако упоминаемые при этом организации — «Шури-исламия», «Улема», «Алашорда» и т. п. — были либо буржуазно-националистическими, либо феодально-клерикальными, поэтому об их сочувствии Октябрьской революции и тем более об их участии в ней не могло быть и речи.

В работах французских советологов не сказано ни слова о массовых революционно-демократических организациях мусульманских трудящихся, которые выступали вместе с русскими рабочими и активно поддерживали Трудовскую власть с первых дней ее установления. Этот факт явно не укладывается в концептуальное прокрустово ложе упомянутых авторов, и они просто игнорируют его.

Подлинная история событий 1917 г. в Туркестане не оставляет камня на камне от голословных утверждений французских буржуазных историков. Общеизвестно, что в связи с победой Февральской буржуазно-демократической революции в Туркестане начался новый, еще более мощный по сравнению с 1916 г. подъем политической активности широких масс местных трудящихся. Это проявлялось прежде всего в образовании национальных революционно-демократических организаций: Советов мусульманских рабочих, «иттифаков» (союзов трудящихся) и т. п., в состав которых входили не только рабочие, ремесленники, кустари, батраки, но и передовая часть интеллигенции и мелкобуржуазных слоев, недовольная политикой эксплуататорских верхов. Такие организации возникли в Ташкенте, Коканде, Самарканде, Пишпекке (ныне г. Фрунзе), Андижане, Намангане и других городах края. Они насчитывали в своих рядах тысячи, а иногда и свыше десяти тысяч членов¹⁵. В июне 1917 г. был образован Ташкентский Совет мусульманских рабочих депутатов, который решил «идти рука об руку с русским рабочим классом, создать новые отношения между русскими и мусульманами»¹⁶.

Советы мусульманских рабочих депутатов устанавливали тесный контакт с Советами рабочих и солдатских депутатов, обменивались представителями, получали от них повседневную помощь. Они проводили большую массово-политическую работу среди трудящихся местных национальностей.

Широкий размах получило летом 1917 г. профессиональное движение. Почти во всех городах Туркестана были образованы десятки профсоюзов. Только в одном Ташкенте их было 44. По инициативе большевиков были созданы Центральное бюро профессиональных союзов и Совет профессиональных союзов мусульман, объединивший 34 профсоюза местных трудящихся. Зачастую в профсоюзы входили как русские, так и представители коренного населения¹⁷.

Рост революционности местных трудящихся ярко проявился в первомайской демонстрации в Ташкенте, в которой приняли участие десятки тысяч жителей «нового» и «старого» города, выразивших твердую решимость развивать и углублять революцию и укреплять единство в борьбе против эксплуататорских классов. В «старом» городе были организованы боевые дружины, которые впоследствии участвовали в октябрьском восстании в Ташкенте¹⁸.

Революционное брожение все больше охватывало и дехканские массы Средней Азии. Все чаще поступали донесения уездных начальников об отказе дехкан выполнять распоряжения приставов, сельской волостной администрации и нести натуральные повинности, о требованиях переизбрания волостных комитетов, где засели бан и кулаки, о захватах байских, казенных и вакуфных земель¹⁹.

Возникали первые дехканские Советы. В апреле 1917 г. был образован Совет мусульманских народных депутатов Ташкентского уезда, куда вошли представители 26 волостей. Этот Совет высказался «за полное доверие только соединенному Совету

¹⁴ Tougouchy M. Le probleme de nationalités en URSS. — *Socialisme*, 1970, Mai, № 99, p. 334.

¹⁵ Гордиенко А. А. Образование Туркестанской АССР. М., 1968, с. 47.

¹⁶ Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978, с. 160.

¹⁷ Гордиенко А. А. Указ. соч., с. 47.

¹⁸ Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современном антикоммунизме. Ташкент, 1978, с. 124.

¹⁹ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1957, с. 22—24; Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976, с. 167.

солдатских и рабочих депутатов» и делегировал в Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов двух своих представителей. Советы возникали и в кишлаках других уездов и областей края²⁰.

Таким образом, уже в ходе Февральской революции стало очевидным полное расхождение интересов между широкими народными массами коренного населения и эксплуататорской верхушкой. Временное правительство и образованный им эсеро-меньшевистский Туркестанский комитет не внесли никаких изменений в жизнь трудящихся слоев Средней Азии, не решили и не могли решить ни одного из волнующих трудовые массы хозяйственно-экономических и социально-политических вопросов. Практически они продолжали антинародную, колониаторскую политику царизма.

Буржуазно-националистические и феодально-клерикальные организации («Шуро-исламия», «Улема джамияти», «Алашорда» и др.), возникшие после победы Февральской революции и претендовавшие на роль «выразителей» народных интересов, очень скоро обнаружили свой истинный характер, поддержав скомпрометировавший себя Туркестанский комитет. Все попытки этих организаций возглавить народное движение окончились провалом. Развитие революционно-освободительного движения пошло совсем не по тому пути, на который стремились увлечь его буржуазные националисты.

Например, делегаты ряда союзов трудящихся, приглашенные на Ферганский областной съезд «шуроисламистов» в середине 1917 г., узнав, что в нем участвуют главным образом представители эксплуататорских верхов, немедленно покинули съезд. Председатель Кокандского союза трудящихся А. Мирпулатов в письме, опубликованном в одной из местных газет, отмечал, что этот съезд выражает мнение лишь эксплуататорских элементов²¹. Состоявшийся в конце июля Ферганский областной съезд «иттифаков» признал необходимым объединение и сотрудничество со всеми трудящимися организациями Туркестана и России²². 25 августа Самаркандский союз трудящихся мусульман опубликовал в газете «Хуррият» обращение к рабочим-мусульманам, в котором разоблачалась антинародная сущность организации «Шуро-исламия»²³.

В Казахстане в противовес алашординским националистическим «киргизским комитетам» создавались Советы киргизских (казахских) депутатов²⁴.

Большую роль в росте политического сознания и повышении революционной активности трудящихся местных национальностей сыграли вернувшиеся летом 1917 г. из европейской части России тыловые рабочие. Всего их, по неполным данным, было около 123 тыс. человек²⁵. Прощедшие хорошую школу классовой борьбы за время пребывания в среде русских, украинских, белорусских и других рабочих, «тыловики» несли революционные идеи в широкие массы местных трудящихся. Зачастую именно по их инициативе и под руководством Советов формировались национальные революционно-демократические организации²⁶.

Вот что писала, например, о «тыловиках» газета «Знамя свободы» — орган Ферганского областного Совета: «Особенно волнуются туземцы-рабочие, недавно вернувшиеся с тыловых работ и в некоторых местах прямо заявившие баям: «Мы будем отбирать у вас землю». К ним, хотя с боязнью, с оглядкой, но уже начинают притрагиваться безземельные и малоземельные элементы мусульманства». И далее: «Побывавшие в России... рабочие внесли свежую струю в Туркестан. Группируясь около них, туземцы создали сильные центры, которым можно предсказать богатое будущее»²⁷.

Эти и многие другие объективные данные более чем убедительно свидетельствуют о том, что в период от Февраля к Октябрю национально-освободительное движение трудящихся масс Средней Азии сливается с социалистическим движением русского пролетариата. К моменту Октябрьской революции громадное большинство коренного населения Туркестана поддерживало большевистские Советы и выступало за установление их власти. В анкетах большевистских делегатов Ташкента и Самарканда на II Всероссийский съезд Советов прямо отмечалось, что влияние Советов среди трудящихся высоко и они пользуются «большим авторитетом как среди русского, так и среди туземного населения»²⁸.

27 октября в Туркестане стало известно о победе социалистической революции в Петрограде. Это событие трудящиеся «старых» городов Ташкента, Самарканда и др.,

²⁰ «Туркестанские ведомости», 1917 г., 2, 20 мая, 31 августа; Н у р у л л и н Р. А. Советы Туркестанской АССР в период иностранной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1965, с. 41.

²¹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1964, с. 174.

²² История Узбекской ССР, Т. II, с. 32.

²³ «Хуррият», 1917 г., 25 августа.

²⁴ Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 95.

²⁵ К о в а л е в П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1957, с. 82.

²⁶ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 153—155.

²⁷ «Знамя свободы», 1917 г., 2 и 4 июля.

²⁸ Победа Октябрьской революции в Узбекистане, т. I, с. 521—523.

по свидетельству участников Октябрьской революции из коренного населения, восприняли с большим воодушевлением²⁹.

1 (14) ноября власть в Ташкенте перешла в руки пролетариата. Активное участие в боях с контрреволюцией приняли отряды старгородских рабочих и ремесленников³⁰. Вслед за Ташкентом уже ко 2 ноября Советская власть была провозглашена в Термезе, Чарджуе (Чарджуи) Каттакургане, Перовске, Кагане, Красноводске и на ряде железнодорожных станций. Началось победоносное шествие Советской власти по городам, кишлакам и аулам Туркестана, ознаменовавшее начало новой эры в жизни народов бывшей колониальной окраины рухнувшей царской империи.

Таким образом, реальные факты убедительно доказывают полную несостоятельность версии французских буржуазных историков. Коренное население Туркестана отнюдь не исполнило ту роль «немоего свидетеля», которую всеми силами пытаются ему приписать французские советологи. Широкие массы местных трудящихся, вопреки желанию эксплуататорских верхов, выступали рука об руку с русским рабочим классом и принимали активное участие в грандиозной классовой битве, увенчавшейся победой Великого Октября и установлением Советской власти.

Октябрьская революция в корне изменила исторические судьбы народов Средней Азии. И прежде всего был раз и навсегда положен конец колониальной системе в Туркестане. С победой социалистической революции начался принципиально новый этап в развитии национальных отношений как во всей Советской России, так и в Туркестане, основанный на полной национальной свободе и независимости всех народов страны.

Однако у французских буржуазных историков имеется другое мнение насчет того, что принесла Октябрьская революция коренному населению Туркестана. Заключается оно в том, что установление Советской власти в Туркестане явилось якобы ни чем иным, как... сменой старого колониального режима новым. Подобные утверждения являются логическим продолжением созданной французскими советологами версии Октябрьской революции в Средней Азии. Большевики обвиняют ими в том, что они, дескать, применяли ленинский лозунг самоопределения наций лишь в качестве тактической уловки, «эффективного оружия против Временного правительства»³¹, а придя к власти, и не подумали на деле осуществить свои обещания.

В частности, упоминавшаяся выше Э. Каррер д'Анкосе в одной из своих статей безапелляционно заявляет: «Из-за того, что революция там (в Туркестане. — А. А.) была русской, власть там также была непоколебимо русской, и эта власть подавляла все попытки определенно разочарованных... местных групп учредить свое местное правительство»³².

В другой статье д'Анкосе утверждает, что «отставание в социальном развитии мусульман было основанием для отстранения их от власти большевиками»³³. Последнее обстоятельство, по мнению д'Анкосе, стало причиной того, что «туземные группы, будучи определено разочарованными», образовали оппозицию Советской власти вместе с русскими контрреволюционерами, и «кризис в отношениях между русскими (большевиками. — А. А.) и коренным населением Средней Азии начался именно с этого времени»³⁴.

Беннигсен и Лемерсье-Келькежэ также твердят, что «поскольку в мусульманских районах революция совершалась лишь русскими, постольку все ключевые посты в местных Советах оказались в их руках»³⁵. Эти авторы квалифицируют поведение большевиков, стоявших во главе местных Советов, по отношению к мусульманам как «колониалистское и шовинистическое»³⁶.

Все подобного рода обвинения в адрес большевиков и Советской власти упомянутые авторы выводят из решений III Краевого съезда Советов, согласно которым, коренное население Туркестана якобы было отстранено от управления краем. Например, они цитируют «Декларацию фракции большевиков и максималистов об организации краевой власти» и указывают на факт отсутствия представителей мусульман в избранном на съезде краевом правительстве.

Характерно, что французские советологи обошли молчанием такие основополагающие документы Советского правительства, как Обращение «К рабочим, солдатам и крестьянам!», «Декларация прав народов России», Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Сделано это, конечно же, не по неведению и отнюдь

²⁹ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 97—98.

³⁰ Там же, с. 100.

³¹ Carrere d'Encausse H. Reforme et revolution..., p. 227.

³² Carrere d'Encausse H. Civil War and New Governments. Central Asia. A Century of Russian Rule. New-York and London, 1967, p. 224.

³³ Carrere d'Encausse H. De quelques aspects de la cohabitation de Russes et de Musulmans en URSS. — Revue française de science politique, 1963, № 1, p. 126.

³⁴ Carrere d'Encausse H. Civil War..., p. 224—225.

³⁵ Bennigsen A. and Lemerrier-Quelleja Y. Ch. Op. cit., p. 83.

³⁶ Ibid., p. 84.

не случайно. Дело в том, что содержание этих исторических документов явно противоречит обвинительным выпадам французских советологов, ведь в них провозглашены краеугольные принципы национальной политики Советской власти: равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств, населяющих территорию России, свобода и неприкосновенность национальных верований, обычаев и культурных учреждений и т. д.³⁷

Что касается решений III Краевого съезда Советов (15—22 ноября 1917 г.), то французские буржуазные историки грубо извратили их содержание. В этой связи представляется целесообразным более подробно рассмотреть данный вопрос.

Прежде всего необходимо отметить, что съезд проходил в обстановке острой политической борьбы между фракцией большевиков и максималистов, с одной стороны, и представителями других политических течений, в том числе «улемистами» и поддерживавшими их меньшевиками и правыми эсерами, с другой. Причем большевики далеко не преобладали на съезде.

18 ноября на съезде выступил лидер «Улемы», представитель так называемого «III Краевого съезда мусульман»³⁸ Шир Али Лапин, в ультимативной форме протестовавший против установления Советской власти и потребовавший предоставить 1/4 мест в высшем коалиционном краевом органе власти мусульманам, избранным «III Краевым съездом мусульман», т. е. представителями местных эксплуататорских буржуазно-националистических верхов. Его требование поддержали меньшевики и правые эсеры³⁹.

Выступление Лапина встретило решительный отпор со стороны трудящихся местных национальностей, представлявших «иттифаки» и Советы мусульманских рабочих депутатов⁴⁰.

На следующий день съезд заслушал декларации всех фракций об организации краевой власти. В большевистской декларации, в частности, говорилось: «... Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы»⁴¹.

Именно этот абзац декларации всячески смакуют французские буржуазные историки. Однако для его правильной трактовки, для выяснения истинной позиции большевиков в отношении коренного населения Туркестана необходимо обратиться к другим документам съезда, которых как будто бы не существует для французских советологов. Речь идет о резолюции большевиков, максималистов и «левых» эсеров, принятой к исполнению большинством съезда, а также о Наказе Совнаркому, разработанном комиссией во главе с И. О. Тоболиным (руководителем фракции большевиков) и утвержденном съездом. В этих документах прямо указывалось: «В состав Совета народных комиссаров имеют право войти представители краевого мусульманского пролетарского съезда»⁴². И далее: «Совет народных комиссаров образуется из большинства партий съезда с включением в него представителей от организованных мусульманских пролетарско-трудовых масс, которым будет отведено (пропорционально) соответствующее количество мест»⁴³.

В то время как упомянутая выше декларация осталась не более чем декларацией, резолюция и Наказ стали конституционными правовыми актами, предназначенными для неукоснительного воплощения в жизнь. Содержание этих двух документов делает беспредметными обвинения в адрес туркестанских большевиков.

Что же касается процитированного выше абзаца декларации, то прежде всего надо сказать, что это был конкретный ответ на контрреволюционное выступление Шир Али Лапина. Однако нечеткая, двусмысленная формулировка данного отрывка послужила поводом к извращенному истолкованию его как «отстранение мусульман от власти».

В этом абзаце декларации фракция большевиков и максималистов стремилась прежде всего подчеркнуть, что в правительство края могут быть избраны представители лишь левых, революционных партий, «пролетарских классовых организаций», а не

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11; Образование СССР. Сборник документов. М.—Л., 1949, с. 19—22.

³⁸ Этот съезд, состоявший из представителей «Шууро-ислами», «Улемы» и «Алашорды», высказался против перехода власти к Советам.

³⁹ Турсунов Х. Т. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. Ташкент, 1971, с. 109—110.

⁴⁰ История Узбекской ССР, т. 3, с. 105.

⁴¹ «Наша газета», 1917 г., 23 ноября.

⁴² «Наша газета», 1917 г., 21 ноября.

⁴³ «Наша газета», 1917 г., 23 ноября.

буржуазных или феодально-клерикальных партий. Слова «среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций» подразумевали то, что большевики и максималисты представляли на съезде все существующие в крае подлинно революционные пролетарские организации местных трудящихся — большевиков местных национальностей, Советы мусульманских рабочих, «иттифаки», профсоюзы рабочих-мусульман; что иных «пролетарских классовых организаций», кроме представляемых ими, в крае «среди туземного населения нет». Это совершенно определено явствует из Наказа, где говорилось, что Совнарком ответственен и перед представителями «мусульманских пролетарско-трудовых организаций, входящих в состав съезда Советов»⁴⁴.

Утверждение же о «неопределенном отношении туземного населения» к власти Советов подразумевало то обстоятельство, что во время работы съезда в большинстве районов края еще сохранялась власть органов Временного правительства, и что избрание наркомов антисоветски настроенных представителей мусульманских эксплуататорских верхов не отвечало чаяниям трудящихся масс.

В соответствии с резолюцией и Наказом съезд избрал краевой Совнарком, который решено было составить из 18 человек. Фактически же было избрано 15 человек, в том числе 5 большевиков, 8 «левых» эсеров и 2 максималиста. Три наркомовских поста были предоставлены организациям мусульманских трудящихся. Однако среди представителей последних, присутствовавших на съезде, видимо, не оказалось лиц, достаточно подготовленных для исполнения сложных и ответственных обязанностей членов правительства. По свидетельству участника съезда, большевика П. А. Ермолова, большевики делали соответствующие предложения А. Рахимбаеву, Х. Ибрагимову и др., но они по разным причинам отказались от предлагаемых постов. Два месяца спустя, на IV Краевом съезде Советов, в состав СНК Туркестана уже были избраны трое представителей местных национальностей⁴⁵.

Итак, совершенно очевидно, что нет никаких оснований считать позицию, занятую большевиками на III Краевом съезде Советов шовинистической и обвинять их в колонизаторстве, как это делают французские буржуазные историки.

Столь же необоснованны и утверждения о том, что коренное население Средней Азии было настроено враждебно по отношению к Советской власти. К началу 1918 г. власть Советов была установлена почти на всей территории края, и везде переход к новой власти совершался мирным путем, при самой активной поддержке трудящихся коренных национальностей⁴⁶.

Таким образом, публикации современных французских буржуазных советологов, посвященные Октябрьской революции в Средней Азии, не выдерживают серьезной критики при сопоставлении с подлинными историческими фактами и событиями. Ложность их концепций становится очевидной при первом же знакомстве с действительностью, отраженной в многочисленных документах того времени, тщательно хранимых и глубоко изучаемых в нашей стране.

А. Ч. Абуталипов

⁴⁴ «Наша газета», 1917 г., 23 ноября.

⁴⁵ Турсунов Х. Т. Указ. соч., с. 114.

⁴⁶ См., напр., «История Узбекской ССР», т. 3, с. 107—108.

ХРОНИКА

ПОД ЗНАМЕНОМ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

(К 60-летию Венгерской Советской Республики)

31 мая 1979 г. в Ташкенте состоялась III сессия советско-венгерской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук на тему «Интернациональное сотрудничество советского и венгерского народов — история и современность», посвященная 60-летию Венгерской Советской Республики. В работе сессии приняли участие секретарь ЦК КП Узбекистана А. У. Салимов, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев, президент Академии наук Узбекской ССР, акад. А. С. Садыков, видные ученые-обществоведы Узбекистана.

Вступительным словом сессию открыл вице-президент АН СССР, акад. П. Н. Федосеев. Он отметил, что в марте этого года трудящиеся Венгрии и Советского Союза, коммунисты, прогрессивная общественность всего мира торжественно отметили знаменательную дату в истории венгерского народа, в революционной борьбе мирового пролетариата — 60-летие провозглашения Венгерской Советской Республики.

Пролетарская революция в Венгрии явилась результатом бурного подъема революционного движения в стране, вызванного крайним обострением всех социальных противоречий венгерского общества, а также мощным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Идеи Великого Октября нашли благоприятную почву в венгерском революционном движении, вождем и организатором которого выступила Коммунистическая партия Венгрии. Во главе ее встал видный деятель международного коммунистического движения, славный сын венгерского народа Бела Кун, прошедший ленинскую школу в России и закалившийся в борьбе за победу Октябрьской революции. 21 марта 1919 г. рабочий класс Венгрии под руководством коммунистов свергнул господство буржуазии и взял государственную власть в свои руки.

В те годы трудившиеся Советской России и Венгрии показали блестящий пример интернациональной солидарности. Их взаимная братская поддержка, боевая деятельность венгерских интернационалистов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в России и русских граждан, оказавшихся в Венгрии и вставших на защиту Советской республики, вселяли веру в победу, помогали им в борьбе против внутренней и международной контрреволюции.

Советские люди высоко ценят и чтут подвиги венгерских интернационалистов, сражавшихся бок о бок с воинами Красной Армии, в том числе на узбекской земле. Для нас особенно знаменательно, что у истоков советско-венгерской дружбы стоял великий Ленин. С первого дня существования Венгерской Советской Республики В. И. Ленин предпринимал активные меры для оказания всемерной помощи венгерским революционерам.

Однако под ударами войск Антанты, а также в результате предательства части социал-демократов и военных Венгерская Советская Республика пала. Но она оставила яркий след в истории борьбы за социализм и неизгладимую память в сознании прогрессивного человечества о героическом подвиге венгерского пролетариата. Исторический опыт Венгерской Советской Республики стал важным уроком для венгерских коммунистов, всего международного коммунистического и рабочего движения.

В. И. Ленин был твердо убежден, что несмотря на поражение первой социалистической революции, в Венгрии непременно совершится другая — победоносная. История блестяще подтвердила революционно-оптимистическую обоснованность ленинского предвидения.

Разгромив гитлеровскую Германию и освободив народы Европы от фашистской оккупации, Советский Союз помог венгерскому народу сбросить оковы хористско-фашистского режима и создать государство нового типа — ВНР. Свободная социалистическая Венгрия занимает достойное место в братском содружестве социалистических стран, успешно развивает производительные силы, вносит свой вклад в сокращение мировой культуры. Неизмеримо вырос международный авторитет Венгерской Народной Республики, ширятся ее международные связи.

Отношения между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой характеризуются полным доверием и взаимопониманием, широким и многогранным сотрудничеством во всех областях политической, экономической и культурной жизни наших стран. Главные направления развития наших взаимоотношений определяются соглашавшейся политической марксистско-ленинских партий — КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП).

Выражая братскую солидарность с трудящимися Венгрии, советские люди, все народы нашей многонациональной страны, сказал П. Н. Федосеев, желают венгерскому народу новых достижений в строительстве развитого социалистического общества.

П. Н. Федосеев сердечно приветствовал делегацию венгерских обществоведов во главе с П. Ж. Пахом, принявшую участие в данной конференции, посвященной 60-летию провозглашения Венгерской Народной Республики, венгерским интернационалистами и дружбе наших народов и партий.

С приветствиями участникам сессии выступили Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев и глава венгерской делегации, председатель венгерской части советско-венгерской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, вице-президент Венгерской академии наук, акад. П. Ж. Пах.

С докладом «Великий пример классовой солидарности трудящихся Венгрии и Советской России» выступил директор Института истории партии при ЦК КПУз, член-корр. АН УзССР Э. Ю. Юсунов. Докладчик подробно рассказал об участии славных сынов Венгрии, Польши, Чехословакии и других стран в установлении и упрочении Советской власти в нашей стране; охарактеризовал деятельность партийных групп иностранных коммунистов, профсоюзных и других общественных организаций иностранных рабочих на территории Туркестана; привел многочисленные примеры героизма и мужества венгров и других интернационалистов в боях против контрреволюции. В заключение Э. Ю. Юсунов отметил, что после гражданской войны многие интернационалисты, в том числе венгры, остались жить в Советской России, в частности в Туркестане, и активно включились в строительство первого в мире социалистического государства. Своими трудовыми подвигами иностранные рабочие вписали славную страницу в историю революционной борьбы и солидарности с рабочим классом нашей страны.

Затем были заслушаны доклады директора Института истории партии при ЦК ВСРП Хенрика Вашша — «Об историческом значении Венгерской Советской Республики 1919 г.», заместителя председателя секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, заместителя директора Института международного рабочего движения АН СССР, доктора ист. наук Б. И. Ковалева — «Венгерская Народная Республика и пролетарский интернационализм (Опыт истории и современность)», старшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК ВСРП Дьердя Милеи — «Роль и место венгерских интернационалистов в истории Великого Октября, гражданской войны и в истории Венгрии», заведующего сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктора ист. наук П. М. Исламова — «О предпосылках образования Компартии Венгрии», заместителя директора Института истории Венгерской Академии наук, канд. ист. наук Феликса Муче — «Роль в венгерской революции 1918—1919 годов венгерских солдат, вернувшихся из России», профессора исторического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, доктора ист. наук А. М. Матвеева — «Подвиг венгерских интернационалистов на фронтах гражданской войны», старшего научного сотрудника Института истории Венгерской Академии наук, доктора ист. наук Тибора Хайду — «Совместная борьба советской и венгерской Красных Армий против империалистической интервенции в 1919 году», старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктора ист. наук А. И. Пушкаша — «К вопросу о советско-венгерских отношениях в 1919 году», заместителя заведующего кафедрой партийного строительства Высшей политической школы при ЦК ВСРП Ференца Шимона — «Венгерская социалистическая рабочая партия — наследник и свершитель идей 1919 года», заведующего научно-исследовательским сектором общественного Института истории колхозов и совхозов при Институте истории партии при ЦК КПУз И. С. Сологубова — «К истории образования коммунистических организаций иностранных интернационалистов в Туркестане».

В письменном виде были представлены доклады заместителя директора Института общественных наук при ЦК ВСРП, канд. ист. наук Ласло Надя — «Место Венгерской Советской Республики в развитии теории марксизма-ленинизма» и старшего научного сотрудника Института литературы Венгерской Академии наук, канд. филол. наук Ласло Иллеша — «Венгерская литература периода советской эмиграции».

С большим вниманием были заслушаны также воспоминания активного участника революционных событий в Туркестане, персонального пенсионера К. К. Боца, а также акад. АН УзССР К. Е. Житова.

Участники сессии с интересом ознакомились с достопримечательностями и историческими памятниками Ташкента, Бухары, Самарканда, посетили Институт востокове-

дения и Институт рукописей АН УзССР, Бухарскую золотошвейную фабрику, побывали в одном из колхозов Самаркандского района и т. д. Венгерские гости с большим удовлетворением отметили огромные достижения экономики и культуры Советского Узбекистана.

Проведение этой сессии явилось новым свидетельством нерушимой дружбы советского и венгерского народов, плодотворного сотрудничества ученых СССР и Венгрии в области общественных наук, в том числе в изучении героической летописи их братской солидарности в борьбе за общее дело — победу социализма, торжество коммунистических идеалов.

Материалы III сессии советско-венгерской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук решено опубликовать отдельной книгой.

М. А. Ахунова, И. И. Искандеров

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

19 июня 1979 г. состоялась III научная конференция по проблемам изучения творчества А. С. Пушкина. В нынешнем году эта традиционная конференция, проводимая Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина совместно с Президиумом АН УзССР, была посвящена 180-й годовщине со дня рождения великого русского поэта.

Первым с чтением фрагментов своего большого исследования «Пушкин и Средняя Азия» выступил акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов. Докладчик не в первый раз привлекает внимание ученых к пока еще мало изученному аспекту проблемы «Пушкин и Восток» — теме «Пушкин и Средняя Азия». На этот раз он подробно осветил интерес А. С. Пушкина не только к истории, но и к фольклору народов Средней Азии. Объектом исследования послужили сказки Пушкина о царе Салтане и о Золотом Петушке.

«А. С. Пушкин в моей жизни» — так озаглавил свое выступление известный драматург, член-корр. АН УзССР, доктор филол. наук И. А. Султанов. Опираясь на личный опыт, он подчеркнул огромное значение гениального наследия Пушкина для литераторов нашего времени.

Теме «А. С. Пушкин и Хамид Алимджан» посвятил свой доклад доктор филол. наук М. М. Расули. Творчество Пушкина, говорил докладчик, способствовало расширению речевого богатства Хамида Алимджана, горизонтов его творчества. По словам самого Х. Алимджана, постижение тайн мастерства Пушкина, глубокое проникновение в мир созданных им характеров дали ему очень многое как художнику.

О своей работе над переводом трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» на узбекский язык рассказал канд. филол. наук Дж. Камалов. Высокие нравственно-философские проблемы, поднятые в пьесе Пушкина, имеют непреходящее значение для всех времен и народов. Об этом говорит и тот успех, который имеет «Моцарт и Сальери» у узбекского читателя.

В докладе канд. филол. наук И. Я. Темкиной «Поэма Пушкина «Медный всадник» и русская советская поэзия» были прослежены связи пушкинской поэмы с творчеством А. Блока, Б. Пастернака, В. Маяковского, В. Брюсова, П. Антакольского, Вл. Луговского.

С докладом «А. С. Пушкин и узбекская советская проза» выступила канд. филол. наук Р. Сабирова. Она говорила о том, как советская узбекская проза на заре ее становления опиралась в своем творческом росте на традиции Пушкина.

Канд. филол. наук С. Каганович на локальном материале работы А. Адалис над стихотворением «Посвящение лошади Наргыз» проследила продолжение пушкинской романтической традиции в ориентальной советской поэзии 20-х годов.

Подводя итоги конференции, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов отметил, что пушкинские чтения, ежегодно проводимые в Академии наук УзССР с 1976 г., отличаются глубиной исследования и оригинальностью проблематики научных докладов и сообщений, свидетельствующих о неизменном внимании литераторов нашей республики к гениальному наследию великого русского поэта.

П. Мирза-Ахмедова

МУНДАРИЖА

Ж. Туленов. Тафаккур услубини марксча-ленинча диалектика нуқтаи назаридан тушуниш	3
Б. Нормуродов. Ижтимоий ҳаётини интернационаллаштириш проблемасига доир	12
Х. Ғозиев. Меҳнат унумдорлигини оширишнинг социал-иқтисодий омиллари тўғрисида	19
Р. Ҳайитов. Ўрмон хўжаликларининг ердан фойдаланиш ҳуқуқи тушунчаси ва мазмуни	27

Абу Али ибн Синонинг 1000 йиллиги олдида

Ю. Ж. Жумабоев. Абу Али ибн Сино этикаси	33
--	----

Илмий ахборот

К. Эргашев. Ҳозирги кунда Ўзбекистонда қишлоқ хўжалиги мутахассислиги бўйича кадрлар тайёрлаш	41
Т. Зияутдинхўжаева. Ўзбекистондаги коммунистик университетлар тарихидан (1928—1932 йиллар)	44
М. Бекжонова. Н. В. Гоголь ижодининг ўзбек адабиётига таъсири	47
Т. Омонжолов. Мустье қатламидаги Қўлбулоқ қолдиқларининг нуклеуслари классификацияси	49

Историография

А. Ч. Абутолипов. Ўрта Осиёда Октябрь инқилоби ғалабасининг ҳозирги замон француз буржуа историографиясида бузиб талқин қилинишига доир	53
---	----

Хроника

М. О. Охунова, И. И. Исқандаров. Пролетар интернационализи байроғи остида (Венгер Совет Республикасининг 60 йиллиги олдида)	60
П. Мирза-Аҳмедова. Улуғ шоир хотираси	62

СОДЕРЖАНИЕ

Ж. Туленов. Понятие стиля мышления в свете марксистско-ленинской диалектики	3
Б. Нормурадов. К проблеме интернационализации общественной жизни	12
Х. Газиев. О социально-экономических факторах роста производительности труда	19
Р. Хайитов. Понятие и содержание права землепользования лесхозов	27

Навстречу 1000-летию Абу Али ибн Сины

Ю. Д. Джумабаев. Этика Абу Али ибн Сины	33
---	----

Научные сообщения

К. Эргашев. Подготовка кадров сельскохозяйственных специалистов в УзССР на современном этапе	41
Т. Зияутдинходжиева. Из истории коммунистических университетов в Узбекистане (1928—1932)	44
М. Бегжанова. О влиянии творчества Н. В. Гоголя на узбекскую литературу	47
Т. Оманжолов. Классификация нуклеусов из мустьверских слоев стоянки Кульбулак	49

Историография

А. Ч. Абуталипов. Победа Октябрьской революции в Средней Азии в кри-вом зеркале современной французской буржуазной историографии	53
--	----

Хроника

М. А. Ахунова. И. И. Скандеров. Под знаменем пролетарского интернационализма (К 60-летию Венгерской Советской Республики)	60
П. Мирза-Ахмедова. Памяти великого поэта	62

ПОПРАВКА

В № 7 журнала за 1979 г. на стр. 51, 18—19 строки сверху, следует читать: Делегаты на V съезд Советов СССР были избраны по округам УзССР (и далее — по тексту).

Цена 40 к.

Индекс
75349